

Ефим Златкин

На этом и том берегу

Стихи и фотографии

Иерусалим

2020

Ефим Златкин

На этом и том берегу

Стихи и фотографии

© Все права принадлежат автору

Компьютерный макет: *Зинаида Палванова*

Фотографии: *Ефим Златкин*

В книге использованы также фотографии

Ивана Синичкина и Валерия Бысова

ISBN 978-965-7705-42-1

Printed in Israel

2020

*Посвящаю отцу –
Давиду Залмановичу Златкину,
моему первому Учителю,
бескомпромиссному Человеку,
Борцу и Победителю!*

Мой поэтический первенец

Писать я начал ещё в школьные годы. Тогда же начал публиковаться в белорусских газетах. С тех давних лет мечтал быть только журналистом. В 18 лет стал штатным редакционным сотрудником. Вернувшись из армии, поступил учиться в Белорусский государственный университет. Проработав 25 лет в печати, уехал в Израиль, даже не думая, что когда-либо вновь начну писать...

В первые годы, чтобы выжить, кусок хлеба зарабатывал на самых чёрных работах. Если в годы массовой алии академики подметали улицы, то я, член Союза журналистов СССР, никакую работу вообще не считал для себя зазорной. Израильские «университеты» дали мне много пищи для осмысления новой страны, принятия её такой, какая она есть!

В 90-е годы спрос на журналистов в Израиле был минимальным: единицы устраивались в газеты или журналы. Большинство находили себе работу не по специальности.

И я решил стать страховым агентом. Ибо эта профессия в чём-то сродни прежней: та же работа с людьми, открытость в общении. Но вначале нужно было выдержать немало экзаменов на иврите. Поверьте, они были труднее, чем на факультете журналистики. Наконец, пришло разрешение на работу и открытие своего офиса.

Это было более двадцати лет тому назад. Вот тогда мой отец Давид мне сказал:

– А теперь ты должен подниматься над текучкой жизни. И писать о прожитом, пережитом!

– Но много лет я ничего не писал! Даже забыл порядок букв на клавишах компьютера.

– Вспомни! И обязательно пиши!

– О чём?

– О жизни...

На свет я появился в деревянном здании районной больницы. Моя мама Ирина, обессиленная в голодном сорок седьмом году, услышав, что врач решил пожертвовать мной, чтобы спасти ей жизнь, решила сама умереть ради сохранения ребёнка.

Но Бог решил по-иному: сохранил жизнь нам обоим! Видимо, помогла молитва отца Давида, который под окнами больницы умолял Всевышнего пощадить его новую семью: после войны у него никого не осталось.

Поэтому я так остро чувствую связь со своими родителями, с каждым уголком белорусской земли. В голодное время она кормила меня лепёшками из картошки, давала силы выдержать и выстоять.

Приехав в Израиль около тридцати лет тому назад, я сохранил незримую связь с прежней родиной.

После трилогии «От Михалина до Иерусалима» я представляю свою первую книгу

стихов «На этом и том берегу». Она состоит из трёх частей: «В Тель-Авив я улетаю не на разведку», «В Белоруссии я оставил годы своей жизни» и «Я один из тех, кто чудом родился после войны». Сами названия разделов говорят, о чем эта книга. Она иллюстрирована фотографиями – в основном, моими. Вы словно путешествуете по двум дорогим для меня странам, а также возвращаетесь в один из тяжелейших периодов еврейской жизни – в годы Холокоста.

Пожелайте моему поэтическому первенцу счастливого плавания в книжном море!

Часть первая

В Тель-Авив я улетал не на разведку

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

*Бывает такое состояние души,
Когда говоришь себе: «Стихи пиши!»
Конечно, мне привычнее проза,
Обручён с ней я с давних лет!*

*Помню, стояли белорусские морозы,
И мы не знали слова «Интернет».
Писал тогда заметки, очерки, рассказы,
Радуюсь своей фамилии в газете.*

*Ворчал отец: «Не о том пишешь, сынок!
Не высыхают еврейские слёзы,
На братские могилы не приносят венков,
И скрывают потери нашего народа».*

*Вокруг была серая тоска.
Отец не падал духом и говорил твёрдо:
«Земля полнится слухами.
Скоро мы будем дома!»*

*Я смотрел на него, как на чудака.
От возбуждения краснели шрамы
на его израненной руке.
«Если есть Бог на земле,
Ты ещё расскажешь о Михалине».*

*Знаешь: из семьи я остался один.
Убили больше шести миллионов...
Мы с тобой обязательно увидим
Иерусалим!
А ты ещё напишешь о трагедии
еврейского народа».*

*Слова, что долго молчали, выстроились в ряд.
Они, как живые! Они говорят!
Моя книга – не просто текста страницы,
В ней – еврейские судьбы, родные лица!*

*И долгий путь, словно по пустыне.
Тысячи лет евреи грезили об Иерусалиме.
Мчались сердца, но были связаны ноги,
Мы были невыездным народом.*

*Мрак висел над страной, закрыты границы.
Иерусалим мог разве только присниться.
Мой дед Залман видел его во сне,
А отец Давид увидал наяву.
Мы сбивали контейнеры по весне,
А он нам говорил: «Я их с собой не возьму.*

*Зачем мне день вчерашний и старый хлам?
Тащить всё это в Израиль – такой срам!
Э-эх, мои сыновья, мои сыновья,
Какими забитыми вырастила вас страна!
Но ничего, станете там другими!»*

Так мне говорил мой отец в Михалине...

Самолёты в Тель-Авив не летели...

Поэма

1

По земле бродили осколки
В поисках своей пары.
В ситцевой кофточке и в солдатской гимнастёрке
Наши родители после Холокоста повстречались.

– У меня нет ни сестёр, ни брата,
Немцы сожгли отцовскую хату,
Мама – неизвестно, в какой яме.
А я в госпитале расстался с костылями.

Выпалив о себе тираду,
Жених примостился на старом диване.
«Да-а, незавидный он! – подумала будущая тёща Соня, –
Моей дочери с ним будет не сладко. И одной – горе!»

...Друзья вели под хупу жениха,
Невеста в белом платье задумчиво стояла.
А за окном бесилась уличная босота:
«Жаль, что вас всех в войну не расстреляли!»

Давид, жених, и брат его Давид,
Набросив шинели, шагнули в темень.
«Ну, кому из вас не нравится живой жид?
Подходите! Уложим одной левой!»

Стали спинами друг к другу фронтовики,
Приготовили к бою тяжёлые кулаки.
Как шавки, скрылась в темноте шпана.
А свадьба не заметила отсутствия жениха...

Скрывал солдат Давид ото всех свои рубцы,
Что после войны остались на его теле.
Картошку, сочную капусту, кислые огурцы
За свадебным столом гости из   х тарелок ели...

Я – наследник выживших осколков,
Прошу вас, дайте мне слово!
Помню, был ребёнком,
Всё искал бабушку Сару дома.

Заглядывал под кровать,
Открывал дверцы скрипучего шкафа...
Никто мне не хотел помогать –
Ни дед Залман, ни Батя.

Каждое утро бежал к старой берёзе,
Возле неё чернели кресты.
Думал, может, она поможет
Бабушку Сару мне найти!

Отец гладил меня по голове
И высекал слова, словно камни:
«В сорок первом году в декабре,
Под Москвой первый раз я был ранен...

После наркоза кричал: “Ма-ма!”
На помощь бежали санитары,
А я её всё звал и звал,
Не зная, что сиротой уже стал.

В далёкие пятидесятые годы,
Когда снег валил над залатанной крышей.
Я почувствовал себя частичкой еврейского народа,
Который всегда и везде был лишним».

На руке отца осталась вязь войны –
Раны, зашитые толстой ниткой.
А вокруг говорили:
«В Ташкенте войну отсидели жида.
Зря оставили вас недобитыми!»

Отец Давид смотрел на меня тоскливо,
Разводил в стороны израненные руки.
Хлеб не всегда был в семье инвалида,
Пестрели заплатки на его истрёпанных брюках!

«В 17 лет я ушёл на войну,
Страна оставила врагу мою семью.
И кто теперь мне вернёт маму мою?
Генералиссимус Иосиф Сталин?
Или Никита Хрущёв, Леонид Брежнев?
Оставь! Для них мы чужие, как прежде.

Мой отец воевал за Россию в четырнадцатом году,
За Советский Союз кровью я истекал
в подмосковном снегу.

Ну и что? Кому мы сейчас нужны?
Я не могу купить себе даже поношенные штаны.

Копейки – моя военная пенсия.
Работы нет. Говорят: "У тебя жена учительница,
на неё и надейся".

Посмотри, как мы живём!
Боимся своих имён!

От еврейской жизни – в изоляции,
Полным ходом идёт ассимиляция.
Родители боятся за будущее своих детей,
Записывают их кем угодно – только не евреями...

Когда я разговариваю в городе на идиш,
Сколько недовольных лиц ты видишь?
Атмосфера душная – словно в дыму.
С самого рождения отравленным воздухом дышу.

Знаешь, что в этой серости меня спасает?
Только еврейская почта жить помогает:
Газету на идиш, на идиш журнал,
Я бы всю жизнь читал*!

Жаль молодых: вы вдали от своего народа.
Для власти – как сорняки на чужом огороде».
Отец мне доказывал, убеждал, учил,
И тем временем «Коль Исраэль»** ловил.

Новости прерывали глушилки и радары.
Отец ловил жадно каждое слово,

---

* В Советском Союзе на идиш выходили единственный на всю страну журнал «Советише Геймланд» и газета «Биробиджан Штерн».

** «Голос Израиля» – израильская радиостанция, вещающая на русском языке.

А на кухне готовила ужин мама,
Ей было хорошо в своём доме.

Отец был весёлым, строил планы:
– Ира! Начинаем собирать чемоданы!
– А ты у меня спросил? – не соглашалась мама.
Но садилась всё же с ним рядом.

Вот тогда в доме уже тишина стояла.
Было даже слышно, как муха пролетала.
«Голос Израиля» из Тель-Авива
Слушали мы и соседи –
Зяма, Циля, Соня, Рива...

2

...За окном белели снега,
Кружились из года в год метели.
В Израиль не ходили поезда,
И самолёты в Тель-Авив из Москвы не летели.

Так проходила жизнь вдали:
Субботники, демонстрации, плакаты...
Кто мы были для той страны? «Жи́ды»,
Всегда и во всём виноватые.

Хотя не прятались в кусты,
Стране свой долг отдавали честно.

Я и мои четыре брата
в Советской армии отслужили
По две осени, по две зимы и по две весны.
А кто увильнули – всё равно говорили
О евреях слова нелестные.

Шептал веками мой народ гонимый:
«В будущем году – в Иерусалиме!»
Молились в синагогах евреи,
Умирали – и продолжали в надежду верить!

Мы тосковали по тебе, Земля Обетованная!
Чувствуя себя странниками, чужими,
Мечтали увидеть страну желанную
И прикоснуться к Стене Плача в Иерусалиме.

К нему веками стремились мои деды,
В синагогах мои бабушки молились.
В местечках по крышам стучали дожди,
Внуки выросли и женились...

Проходили снежные зимы за зимами,
Время шло, сменялись поколения.
Вдруг всё стало чужим, нелюбимым –
И даже учение Владимира Ленина!

Опустились кумачовые знамёна,
Хотя лозунги были хоть куда:
«Мир», «Дружба», «Братство всех народов» –
Все ушло, как в паводки вода.

Вначале было красиво. Ильич, мне поверь!
Сборы, линейки, твоё красное знамя!..
Но мне говорили, что я нехристь, еврей,
И я плакал на коленях у мамы.

Родился и жил я в эпоху врунов,
Был зомбирован лозунгами и словами.
Жизнь где-то проносилась стороной,
А вокруг довольствовались малым.

За Лениным и партией я шёл
От октябрёнка до коммуниста.
После партсобраний пил кислый рассол
И писал очерки об активистах.

Не знали свой язык – древнейший в мире!
Но уже знали про бои в Иерусалиме.
Отметка «еврей» в графе пряталась стыдливо,
А мы встречались уже с посланцами Тель-Авива.

В Шереметьевском холодном аэропорту
Толпы евреев я увидел за версту:
Сумки, узлы, чемоданы, баулы...
Из Тбилиси, Ташкента, Барнаула –
В большой стране евреи были нелюбимы,
Мы летели с пересадкой до Тель-Авива.

Тёмная ночь, ноябрь холодный,
Самолёт взмывает над столицей.
Будет ли ещё возможность
Когда-нибудь назад возвратиться?..

За облаками – древняя земля.
Отсюда в изгнание уходила моя семья?
Возвращаются в Иерусалим евреи,
Чужие гимны давно в галуте надоели.

Слава Богу! Наконец, осмелели!
Безъязыкие – язык обрели,
Робкие – смелость и отвагу.
Доплыли, долетели, дошли, доползли!
И закончились анекдоты про Аврама и Сару.

Но в Иерусалиме, Ашдоде, Тель-Авиве
Для израильтян мы вдруг стали чужими!
«Русим!» – слышим со всех сторон.
Отец тащит жёлтые апельсины в дом.

Под солнцем жарко, как на сковородке,
Вывески на крючковатом языке.
Людей – как сельдей в бочке!
Важно шествует женщина в парике.

Рядом с ней в кипах, с пейсами, дети.
Такого зрелища я не видел на свете...
Все галдят, торопятся, куда-то бегут.
– Ефим, ты где? – меня уже зовут.

Вокруг меня – еврейские глаза!
Такие бездонные, с чёрной поволокой.
В их глубине – страдание в веках
И надежда, что изменится мир жестокий.

А в Израиле у евреев путь один:
Стена Плача – Иерусалим!
Каждое утро и каждый вечер
Возле неё происходят с Богом встречи!

Иерусалим! Древняя Стена Плача.
Господи! Ты слышишь, мы веками плачем!
«Барух ата адо-най! Ад-о-о-н-а-й-й!» –
Не оставляй свой народ, не оставляй!

В стране начинается новый день,
Снова и снова молится еврей,
Как тысячи лет тому назад,
Те же огненные слова звучат!

Белая-белая Стена Плача –
Это всё, что осталось от Храма Второго,
Даже когда евреи смеются – сердца плачут
С 9-го ава семидесятого года*.

---

* В 70-м году н. э., 9-го ава по еврейскому календарю, был разрушен Второй Иерусалимский храм.

От Стены – самый короткий путь к Богу.
Он не отвечает на звонки по телефону,
Ни на эсмэски, ни на сообщения по Ватсапу.
Только записки может читать Папа *.

Закончена молитва у Стены Плача.
Иерусалим опускает усталые плечи.
Заходящее солнце по горам скачет.
Столица моя, добрый вечер!

Фото Ивана Синичкина

На Масличной горе поспели оливы,
Над ней закружили тени еврейских пророков.
Это и есть тот самый Иерусалим,
Где Иисус давал ученикам последние уроки.

Библейская Елеонская гора –
Иерусалим! Это же твоя корона!
На ней – следы первого иудейского царя
Давида и его сына – Соломона!

---

* Отец небесный.

Фото Ивана Синичкина

Маленький мальчик, с пейсами, в кипе,
Окинул меня пытливым взглядом,
Потом он что-то гортанно воскликнул
И помчался по улицам старого града.

Когда-то здесь бегал его прадед из Одессы,
Дед уже родился в Иерусалиме.
В воздухе плывёт запах пардесов
И созревших в Гефсиманском саду маслин.

Возле туристов – араб с белой ослицей.
Солнце купается в облаках над столицей,
Спешат люди в церкви, мечети, синагоги...
В Иерусалим отовсюду ведут дороги!

Фото Ивана Синичкина

На Масличной горе в Иерусалиме –
Самое-самое древнее кладбище в мире.
Две печальные фигурки в чёрном,
Пришли сюда, чтобы ушедших вспомнить...

Фото Ивана Синичкина

Квадратные плиты и – никаких букетов,
Только камушки и поминальные молитвы
без ответов.

Перед Богом здесь все равны.
Губы тихо шепчут: «Шели якари *».

Затрубил шофар ** в Йом Кипур *** ,
Взлетели над Иерусалимом священные звуки.
Их слышал ещё далёкий наш пращур,
А сегодня слышат израильские внуки.

Иерусалим – белые-белые камни.
И зелёные-зелёные ели.
Веками он мой народ к себе манит.
Только не все сюда долетели.

---

* Мой дорогой (*иврит*).

** Ритуальный духовой музыкальный инструмент из рога барана или козла.

*** Судный день в иудаизме, день поста, покаяния и отпущения грехов.

И вот я – здесь! Почти уже тридцать лет!
Хамсин, восточный ритм, арабская вражда,
Печальные новости утренних газет
И быстрее поезда пролетающие года.

Вот так и живём, не идём на поклон к чужим.
Постепенно возвращаемся к своим корням.
Как сегодня они нужны нам, живым!
С нами был! Есть! И будет – Иерусалаим!

Вавилон 21-го века!

Годы на меня наводят грусть –
Бывает на сердце так тоскливо!
Вдалеке моя молодость, Белая Русь,
А мне жить и доживать в... Тель-Авиве.

Где так всё устремлено вперёд!
Где жаркий воздух приходит из пустыни,
Где такой темпераментный народ,
Какого раньше мне не довелось видеть!

Евреи разных стран и разного цвета кожи.
Двадцать первого века Вавилон!
На горячем перекрёстке жить сложно,
Но на русском языке говорит целый миллион!

На другие столицы непохожий!

Иудейской пустыни холмы
Мелькают за окном машины.
Я ищу следы древней земли.
И вот они – я их вижу зримо!

Конус, похожий на вулкан,
Остриём возвышается над холмом.
Чем-то он напоминает космодром.
Стрелой уходит в небо голубое.

Странно, очень странно!
Летающая тарелка марсиан?
Что же ты, Земля Обетованная,
Так долго скрывала одну из своих тайн?

Пласты истории под ногами?
Её секреты прятало время?
Оно помнит смуту, интриганов
И бегство Ирода из Иерусалима.

С этого холма он на него взирал,
Вынашивая планы отмщенья.
Иудейский царь для одних тираном стал,
У других он и сегодня вызывает восхищение.

Где правда, а где наговор?
Не молчите, древние стены.
Может, скажешь мне, Иродион,
Что же было на самом деле?!

А с высоты так ярок Иерусалим,
Словно корона на небосводе!
Ещё в древние века наш Иерусалим
Был на другие столицы непохожий!

Амазонки Иерусалима

Израильтянки, вы так красивы!
Хотите любить и быть любимыми,
Рожать детей, играть вечерами с ними,
Но стали стражами Иерусалима!

Девушки – красавицы! Вы – королевы!
Наследницы героев-Маккавеев!
Перешагнули через века в наше время,
Чтобы защищать сегодня евреев.

Героини! В дождь и хамсин
Вы охраняете седой Иерусалим!
Забыли о румянах и помадах –
Взяли в руки боевые автоматы.

Мы молимся за вас, сёстры и дочери!
Только возвращайтесь домой живыми!
Сколько уже слёз непрошенных
Льёт страна о тех, кто лежит под оливами.

Девушки – красавицы! Вы – королевы!
Ваши корни в Марокко, Эфиопии, России.

Вы красивы, отважны и смелы.
Какая разница, откуда ваши бабушки прилетели!

Дочери, сёстры и... будущие мамы,
Озорные амазонки Иерусалима!
Вы словно из эпохи царя Давида.
Берегите себя, вы ещё своих сыновей не родили!

В Иерусалиме расцвела... сирень

В Иерусалиме расцвела... сирень.
Не поверите – в пасхальный день!
Закружила лепестками, заморозила,
В далёкую юность она меня назад вернула.

До чего же ты прелестна, иерусалимская сирень!
Был бы я певец – песни тебе пел!
Был бы поэтом – посвящал тебе поэмы,
Какой же цвет у тебя необыкновенный!

Иерусалимская красавица-веснянка,
Скучаешь по своей подруге-берёзе?
Представляешь, какая была бы сказка,
Если бы она распустила рядом свою крону!

Встретил я Ленина в Иерусалиме?

Встретил я Ленина в Иерусалиме?..
Ощупывает взглядом, вверх поднята пятерня.
Появление Ильича меня удивило:
Неужели и в Кремле началась алия?

В белорусской рубашке для маскировки,
Приметную фуражку снял с головы.
Даже взгляд потеплел у Вовки.
Неужели он и вправду живее всех живых?..

Кто такие евреи?

Вы спрашиваете: «Кто такие евреи?
Почему молимся все время?»
Бога мы просили выпустить нас из страны исхода.
Не хотели больше оставаться изгоями.
Тост поднимают евреи: «Лехаим!»
Это значит: «За жизнь»!
Сколько дорог мы прошагали?
Пока не уехали в... Израиль.

«Египетские» пирамиды в Тель-Авиве

Какой красавец наш Тель-Авив!
Покоряет небо во втором столетии.
С первого взгляда я его полюбил.
Ведь столько слышал о нем ещё в детстве!

Он стоит на морском берегу,
Он построен евреями из России!..
«Батя, а я там жить в будущем смогу?» –
Всё спрашивал отца в Михалине.

Пирамиды, ромбы, шары, параллелограммы
Уносятся в небо фантастическими кораблями.
Ушли в историю тель-авивские титаны,
Но город солнца построили на месте барханов!

«Египетские» пирамиды в Тель-Авиве
Мало кого в стране удивили.
В Египте их строили тоже евреи.
Наследникам сам Бог велел быть умнее.

Геометрия «по-израильски» ни на что другое не похожа.
Страна маленькая, поднимается в небо всё выше.
Кварталы шаров и углов мы вот-вот заложим,
Из моря поднимутся новых небоскрёбов крыши!

Нам трудно, но мы дома

Мне не спится в эту ночь тёплую,
Мысли горькие не выходят из головы...
Я вижу тела распростёртые
Израильтян, не вернувшихся с короткой войны.

Остановились на дорогах машины.
В знак скорби согнуты спины.
Погибших помним по имени.
Для нас они живы и непобедимы!

Стала общим блиндажом вся страна,
Окопами – наши квартиры.
Для евреев продолжается война,
Хотя для всех она закончилась в Берлине!

Уходят в ночь сыновья и внуки,
Дочери и внучки с оружием в казармах.
Мамы прислушиваются к звукам,
Молятся, чтобы не было известий печальных.

В Израиле далеко за полночь. Тишина.
Рассвет наступит скоро.
Как ты всё выдерживаешь, моя страна!
Нам трудно, но мы – дома!

Мы уже привыкли жить от войны до войны.
Любим женщин, рожаем детей.
И до сих пор не избавились от вины –
За то, что вывел нас из Египта Моисей!..

В рабстве нельзя было никак оставаться.
Поэтому через сотни лет ушли мы и из России.
Наши потомки ещё будут удивляться:
Как мы так долго в изгнании жили?..

Позвонили мне из России

Позвонили мне из России.
«Будьте более терпимыми.
Сектор доведён до отчаяния.
Виноваты вы, в Израиле!

Отдали Газу, отдайте Иерусалим.
Будут евреев убивать – защитит вас мир!»
Эту «песню» слышала ещё моя бабушка Сара,
А в сорок первом году её расстреляли.

...В это время завывла сирена.
Собачка прижалась к моим коленям,
Жена вышла в коридор, прислонилась к стене.
А приятель всё говорил и говорил мне.

Я включил на всю громкость телефон
И записал, как рядом падают снаряды,
Чтоб отправить ролик в Ростов,
Как рядом кричал ребёнок: «Ма-ма!...»

Письмо русским поэтам

На земле Обетованной много не говорят.
Больше чувствуют эту землю.
Вы слышали, как сирены гудят?
Видели, как у людей напряжены нервы?

Ещё немного, и вы уедете домой –
В Германию, в Россию и в другие страны.
Забудете этот дикий вой,
Только мимоходом скажете:
«Евреи – народ странный».

Мы пишем стихи, когда падают ракеты,
Пишем о том, какие у детей от страха глаза.
Мои дорогие русские поэты,
А вы не хотите людям правду рассказать?..

Раз, два, три, четыре, пять...

Посвящаю детям Катастрофы

Раз, два, три, четыре, пять...
Сколько на параде бывших солдат?
Больше – детей давно прошедшей войны,
Но и они сегодня уже стары и седы!

Везде-везде, куда ни посмотри,
Лежат бедные дети войны
В городках и в местечках,
За холмами и за речками.

Тысячами гибли маленькие евреи,
Хотя не были в окопах, в танках не горели.

Но сколько вас в котлованах и ямах?
А кто выжил? Очень-очень мало!

Одни с палочками, другие – видят слабо,
А кто ещё держится – внутри пустота
И тихая грусть по родным местам.
По Беларуси, Украине, России,
Где когда-то своих детей растили.
Но решили: нет – изгнанию,
Будем жить мы в Израиле!

Что скажете мне, ветераны?
По ночам ноют ваши раны?
И в вас стреляли из самолётов,
Когда тащились по дорогам, как пехота?
На вагоны падали бомбы, летели снаряды,
Когда добирались на Урал или в Самарканд.
А в тылу вся еда – корочка хлеба да вода.

Смотрю на вас сегодня, ветераны,
Чьи-то бабушки, деды, отцы и мамы!
А на сердце у меня так тоскливо...
Как запомнить, какими вы были?

Вы чем-то похожи на ушедших солдат,
Прошли войну, но остались... без награды.
Раз, два, три, четыре, пять...
Самым молодым из вас по восемьдесят пять!

Мой дом теперь на этом берегу

Раньше я жил среди быстрых рек и зелёных лугов.
Белые берёзы меня поили соком.
Отчий дом любил без лишних слов,
Не думал, что приезжать к нему буду наскоком.

Но... тридцать лет он уже не наш,
Давно в нём хозяйничают другие люди.
Как и мы, они ставят на стол хлебный квас
И рюмки с водкой поднимают со словом: «Будем!»

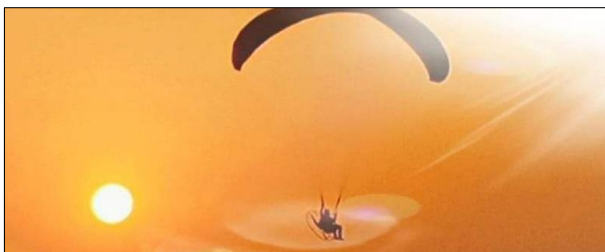
А я давно там, где разноцветье красок
И на горизонте белые корабли,
Где жизнь так далека от сказок,
Что кажется – мы на самом краю земли.

К нам долетишь только на самолёте.
Со всех сторон море и чужие страны.
В Израиль я ехал не по расчёту –
Без денег, с одним лишь чемоданом.

Вижу волны – их яркое разноцветье,
Гребешками наплывают, уносятся вдаль.
Прошу их: «Ответьте мне, ответьте!
Не меня ли так долго ждёт корабль?»

Знаешь, что? Отплывай без меня обратно.
Мой дом теперь на этом берегу!
Видишь, я люблюсь морским закатом,
А потом... о нём в книге напишу».

Ты меня позови! Позови!

Зажигает морской порт огни,
Корабли отдыхают на причале.
Ты меня позови! Позови!
И я прилечу к тебе утром ранним.

Чтобы увидеть громадные сосны,
Чтобы услышать соловьёв на рассвете,
Чтобы пройти по траве роскошной...
Какая это будет незабываемая встреча!

Море! Ты, как женщина, – загадка!

Море! Ты, как женщина, – загадка!
Каждое утро у тебя новый шарм.
Ты – моя душевная зарядка
С воздушными змеями, улетающими вдаль...

Я уплываю в дальние страны
С твоими лайнерами-кораблями.
Я остаюсь на всю жизнь влюблённым
В твои нежные янтарные волны!

Одноглазое солнце

Цветное небо было необычным.
За горизонт уходило одноглазое солнце
с улыбкой.

Ещё миг – такой короткий! –
И уплывут в сумерки корабли и лодки.

Но они продолжали пыхтеть натужно,
Пока их не отгонят к причалу.
И теперь становится не только мне грустно –
Чайки в море тоже печально закричали...

Я пою тебе гимн, Масада!

Масада, Масада, Масада!
Жёлтые камни и море вдали.
Ты стала последней преградой
На самом краю еврейской земли.

Тебя не взял легко великий Рим.
Полонили Иудею, сожгли Иерусалим!
Только после долгой осады
Пала, но не сдалась Масада.

Ты ничего не забыла, Масада?
Как воевала и умирала в осаде?
Поведай мне о древних иудеях,
Стеной они стояли против легионеров.

Масада пала, Масада пала,
Разрушены храмы Первый и Второй.
Страна поднялась, из пепла встала –
Через века евреи возвращаются домой!

Горы, горы! Расскажите, как всё это было.
Отвечают эхом:

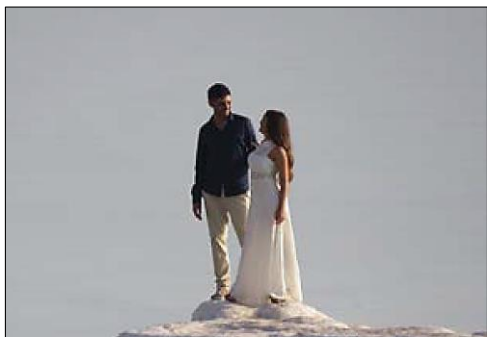
«Мы ничего не за-бы-л-и-и-и!..»

Я возьму с собой немного твоей соли

Я возьму с собой немного твоей соли,
Запомню этот воздух горный...
И когда буду далеко от дома,
О тебе, море, обязательно вспомню.

Море, ты – как невеста!

Мёртвое море! Ты – как невеста!
Изумрудное платье надела!
Я хочу воспевать тебя в песнях,
Но ещё лучше – в стихах и новеллах.

А на том берегу – Иордания

Тёмной грядой застыли горы Иордании.
Посреди – синяя полоска Мёртвого моря.
Две страны объединило утро раннее!
Ещё миг – и его украсят солнечные узоры.

Утро на самой нижней точке мира –
Такая божественная картина!
С ней не сравнить даже художников полотна.
Без красок земных – они блеклые, неживые!

Берега, берега, берега,
Берег наш – и иорданский.
Лазурные воды, жёлтый песок
И такие загорелые израильтянки...

Не могу надышаться тобой, море!

Не могу надышаться тобой, море!
Как детки в кроватках, тихо сопят волны.
Пишу эти лирические строки,
А солнце медленно всходит на Востоке...

Не могу быть равнодушным к твоей красоте!
В ней – царственное волшебство
и золотые краски.
Ты предстаёшь в своей первозданной наготе.
Как от любимой женщины,
от тебя исходят сладостные ласки...

Все страны отсюда далеки и так туманны!
Они находятся совсем в ином свете.
Даже думать о них очень странно,
Когдаходишь в море на рассвете.

Мёртвое море – живое!

Мёртвое море, как ты прошло через века?
Как сберегло свою красоту и силу?
У тебя с моим народом общая судьба:
Мы с тобою живы! Живы! Живы!

Твоя синева – небесная корона!
Твои золотые пески – ожерелье принцессы!
Мёртвое море, дай мне слово,
Что тебя не унесут ни время, ни ветер.

Божественное море!

Наполни меня целебной силой,
Открой мне секрет твоего волшебства!
И когда я буду писать новую книгу,
Обязательно расскажу о твоих чудесах!

Ждите нас в Иерусалиме!

Вот такие наши горы,
Такие облака,
Плывут они над морем
Неведомо куда.

И вдруг... застыли на минутку,
Свои белые крылья раскрыли,
Отправили на прощанье улыбку:
– Ждите нас обратно! В Иерусалиме!

Утренняя молитва

Мёртвое море, утренняя молитва...
Как будто остановилось время:
Солёная вода к ногам прилипла,
Тора в руках у еврея!

Моисея я мысленно увидал...

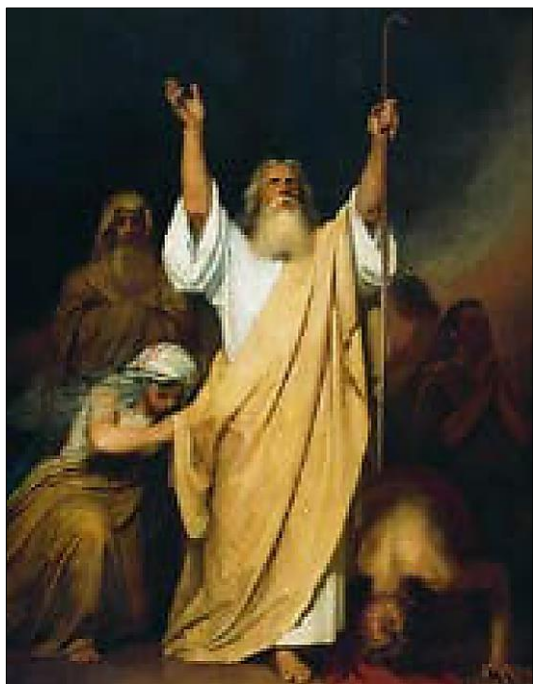

Недалеко от древнего Иерусалима
Раскинулась библейская пустыня.
Над Негевом гуляют песчаные бури.
Когда-то они скрывали юного Давида от Саула.

Царём став, он Иерусалим основал!
Его сын Соломон возвёл Храм –
еврейскую святыню.
Но всё начинал Моисей, когда Бога умолял
На горе в Синайской пустыне.

А мне фигуру Моисея напомнило дерево –
Я его увидел среди песков Негева.

Руки подняты в небо,
Вверх запрокинута голова.
Вот таким на иорданской горе Нево
Моисея я мысленно увидал...

Картина И. Крамского «Молитва Моисея после перехода израильтян через Красное море»

Дерево в израильской пустыне Негев

Я – твоя частичка, моя страна!

Я – твоя частичка, моя страна!
Твоих гор, морей, холмов, пустыни.
Над моим домом – плывущие небеса.
Где? Недалеко от Иерусалима.

Живу, как могу, большего не надо,
Жизнь не бывает только в шоколаде.
Но когда надо мной бело-голубое небо,
Зачем марципаны мне? Я сыт одним хлебом!

Мы на Луне?

Мы на Луне? Нам повезло?
Одними из первых землян?
Отныне будет здесь наш дом?
Но космический корабль туда не стартовал.

Да и вообще, у нас его не было никогда!
Утром на Мёртвое море поехали туристы...
Тогда скажите, откуда тут Луна?
И почему везде грунт такой пористый?
Спустились с гор. Мы – на равнине?
Невероятно! В золоте Иудейская пустыня!

Ну и что? Полёт нам удался всё равно!
Мы взлетели и вернулись снова.
Мёртвое море дышит жаром в окно.
Здравствуй, Израиль! Мы – дома!

В Красном море такая синяя вода!

В Красном море такая синяя вода!
Горный воздух! Только всё иное.
На пристани наготове катера,
Отдыхайте, господа, месье, панове!

Вначале я не разобрался, куда попал:
В Испанию или во Францию –
на Лазурный берег?
Треугольник Израиля, Египта, Иордании
меня встречал,
Эйлат! Открывай широко свои двери!

Аэропорт имени космонавта Рамона

Эйлат. В центре города – аэропорт.
После полёта застыл самолёт.
Серебристая, крылатая «Аркия»
Летала сюда через горы из Тель-Авива!

Сегодня на берегу Красного моря всё по-другому.
Построили аэропорт имени космонавта Рамона.
А фото самолёта на фоне городского квартала
Возьмите в музей: оно историей стало!

Сабра цветёт

В горах под Иерусалимом сабра цветёт.
Мне дорог край, где она живёт.
Ведь это в песках, в вечной пустыне!
Мы вернулись домой – она ожила!

Лимоны в снегу

Лимоны в снегу?
На исходе марта.
В Израиле – весна?
Моя страна прекрасна!

Поле, библейское поле!

Поле, библейское поле!
Ты так похоже на мою Беларусь!
Та же голубизна, то же раздолье
И такая же щемящая грусть...

* * *

В Израиле январь! А я ношу в себе весну!
Библейский пейзаж не изменён веками.
Благодарю тебя, моя страна, за дивную красу...
Какая радость жить под твоими небесами!

Райские плоды

Эти райские плоды
Не пришли в руки сами.
Чтобы расцвели у нас сады,
Малярийные болота мы сначала осушали.
И возродилась земля, текущая молоком и мёдом.
В ней – пот и кровь еврейского народа...

Не надо нам другого рая!

Когда-то были здесь болота, кочки и кусты.
Земля библейская со скуки умирала.
Посмотрите, какие выросли в Израиле сады!
Мы здесь живём – и не надо нам другого рая!

Библейская прекрасная Галилея!

Библейская прекрасная Галилея!
Родина всем известного еврея.
Здесь совершались чудеса Иисуса Христа.
Расскажите об этом, розовые купола!

Как читал проповеди среди учеников,
Кормил хлебами тысячи рыбаков,
Превращал воду в вино,
Исцелял прокажённого...

Народ древний и непокорный!

Поле, библейское поле,
Наши прадеды его видели во сне.
Для всех нас оно такое родное,
Хотя мы росли от него вдалеке!

Такие же поля есть в России –
Бескрайние, зелёные, красивые.
Земли там плодородны и дожди нередки,
А нам пески и камни передали предки.

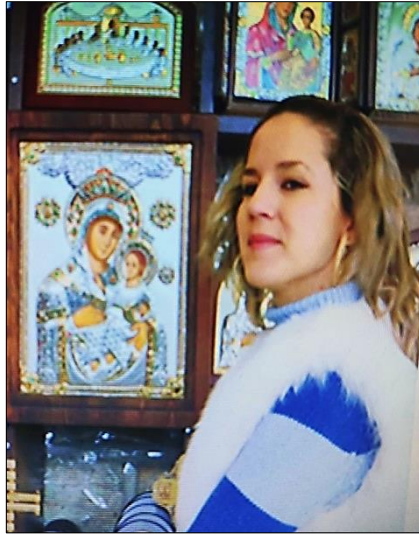
О библейской земле память нашу веками травили,
Заставляли забыть свои давние корни.
Мы не только себя – весь мир удивили!
Евреи – народ древний и непокорный!

«Славянка» на родине Бога

Старый еврей играл русские марши.
Шапчонкой с надписью «Израиль»
Он голову свою украсил.
Рядом с ним российские мамы
Себя крестом осеняли...
Это ж надо! На родине Христа
«Славянку» мы услышали!
Улыбаются нам: «Красиво!»
Думали – заграница? Страна чужая?
– Вам понравилось в Тель-Авиве?
– Мы сердца свои здесь оставляем!

Молодая христианка

Израиль, сувенирная лавка.
В задумчивости молодая христианка.
Чем-то она похожа на саму Деву Марию!
Остановилось время в Иерусалиме?

Может, не было никакого распятия
И никакого крестного хода?
Может быть, сама Богоматерь
Защитила сына от Пилата-сумасброда?

...Забежали туристы в лавку,
Крестики, иконки попросили.
Где же молодая христианка?
В Храм Гроба Господня она поспешила?

Всё смешалось в Иерусалиме –
Религии, люди, время.
Неужели только я один и увидел
Туристку, похожую на Деву Марию?..

Ашдод птицей взлетел над морем!

Ашдод птицей взлетел над морем!
И поднялся на месте жёлтых барханов.
Верилось, что будет новый город –
И он вырос на земле обетованной!

Я прошагал немало по земле,
Но для меня только ты – живой оазис.
В своей любви признаюсь тебе.
Да разве обо всём скажешь?..

Ты смотришь в небо своими кварталами,
Что сбегаются так красиво к морю.
Твои парки так и манят к новым романам.
Ашдод, ты лучше Парижа!

Для меня – это бесспорно!

Русское эхо

«В Ашдоде «Русское эхо»? –
Спросил меня друг со смехом.
– Зачем уезжать так далёко,
Чтобы читать в подлиннике Блока?

Мне выбор твой кажется странным,
Зачем было ехать в Израиль?
Там "Русского эха" хоть завались,
А у нас евреи почти перевелись.

Зачем было уезжать в пески и в жару?
Зачем, зачем? Скажи, не пойму,
Когда вы там живёте... русским эхом!» –
Не может удержаться друг от смеха.

«Тебе не понять, никогда не понять!
Русское эхо с собой мы должны были взять,
А с ним и туманы, и пух тополиный,
И запах морозца, и клин журавлиный.

Мы взяли в дорогу акации цвет,
А также тот хмурый осенний рассвет...
Ведь здесь всё иначе, здесь воздух другой.
Зато сквозь века мы вернулись домой!»

Твердишь ты: «Зачем вам русское эхо,
Если каждый из вас так далеко уехал?»
Но как же объяснить тебе и рассказать,
Что с ним мы родились и с ним нам умирать...

Богиня из Тель-Авива!

На остановке стояла... золотоволосая богиня!
– Ты приехала... из России?
– Нет! Я родилась в Тель-Авиве.
Мой русский язык с акцентом немного,
Я не изучала его в школе.

Золотые волосы струились по плечам,
Карие глаза смотрели живо.
Вот такую девушку я повстречал
В самом центре жилого массива!

С языка на язык переходила легко
«Русская богиня» из Тель-Авива,
А где-то далеко-далеко
Скучает по ней красная рябина!

Израильтянка Лея дерево в Беларуси посадила,
Где раньше жила её прабабушка Ирина...

Часть вторая

В Беларуси я оставил годы своей жизни

Наши предки

Наши предки пришли в Беларусь из Иерусалима.
Веками мы жили от него вдали,
Улыбались рассветам в зелёном Михалине,
Ожидая зова Обетованной земли...

На исходе лета

Люблю я дальние страны,
Но частицу сердца лазурному краю оставил –
Краю голубых рек и зелёных лесов.
Я к нему возвращаюсь вновь и вновь.

Утром такая стоит тишина!
Кажется, нет никого на свете.
Рыбацкую лодку подгоняет волна.
Здравствуй, Беларусь, на исходе лета!

Берёзовый край

Берёзовый край! Светлый и зелёный,
Ты ко мне снова вернулся наяву.
И я вспомнил! Всё вспомнил!
Как будто и не улетал в 1990 году.

Тогда меня позвала земля моих предков,
Но здесь, в Беларуси, тоже есть их могилы.
Я улетал в Тель-Авив не на разведку –
Я оставлял за плечами годы своей жизни!

Минск напоминает улицы Тель-Авива

Минск напоминает улицы Тель-Авива,
Где часто я слышу белорусский говор.
Прожитые века нас объединили,
А ещё – идиш и белорусская мова *.

---

* Язык.

Мама! Мама! Выйди на крылечко!

Когда ко мне приходит усталость,
Я знаю, как восстановить силы:
Атакую дремлющую старость
И немедленно улетаю из Тель-Авива.

Самолёт взмывает над морем,
Делает прощальный круг над Тель-Авивом.
Вместо южных пальм уже совсем скоро
Подмигнёт мне гроздью красная рябина.

Спешу в еврейское местечко,
Там бывший наш дом у дороги стоит...
Мама! Батя! Выйдите на крылечко!
Ваш сын постаревший к вам спешит.

Бежит за плугом борозда

*Посвящаю моему деду Залману Златкину – одному
из первых колхозников еврейского местечка Михалин*

Бежит за плугом борозда,
Пахарь ступает по ней босыми ногами.
«Внучок, поскорее иди сюда!
Слышишь, земля разговаривает с нами?»

Пахота дышит свежим паром,
Вверху проносятся стаи птиц,
В поле – я и мой дед Залман,
И на свете нет более счастливых лиц!

Я и сегодня помню то поле и тот плуг,
Но в пять лет понял, что хлеб не появляется вдруг...

В голодном сорок седьмом году

Моя мама никогда на столе не оставляла ни крошки.
Медленно всё собрав, подносила их ко рту в ладошке.
Потом в комнатухе готовила ужин для отца –
Кусочек хлеба и яичницу из одного яйца.

Послевоенная разруха, голод,
Маленький, захолустный город.
Холодная весна после долгой зимы.
Шёл второй год после тяжелейшей войны.

В треснутой лампе коптел фитиль,
Мороз рисовал на окне ледяные узоры.
А мне мама давала имя «Ефим»
В память о своём брате, погибшем под Гродно.

Полям было ещё рано колоситься,
Но цветами уже начинал радовать май.

В голодном сорок седьмом году я на свет появился,
А потом – четыре брата, чтобы я не скучал.

Моему рождению были даже удивлены:
– Ни работы, ни угла... Ещё ребёнка завели?
Отец горячился: «А вы думали, евреи обречены?
Мы ещё возродим наш народ после войны!»

– Бедняк – что дурак! – смеялись с Давида.
Кто мог поверить в его слова?
Далёкое будущее только ему было видно!
– Строгать детей ты мастак! Накорми их сперва!

Частенько корила зятя и строгая тёща Соня,
Она вообще любила резать правду-матку.
Я не понимал: «К чему их раздоры?»
Нет хлеба? Зато есть огурцы на грядках...

Мельница Давида

*Посвящаю Давиду Хенькину.
моему деду по материнской линии.*

Мельница Давида!
Не опускай свои крылья!
Со всей округи сюда спешат подводы.
– Мельник, ты заболел, что ли?

Идёт жестокая война,
Нам нужно молоть много зерна,
В госпиталях давно нет муки.
Дома – голодные дети и старики.

– Люди! Я дышать не могу!
Болезнь сковала меня.
Если на мельнице умру,
Как узнаю, что закончилась война?

Мама, я всматриваюсь в твои глаза

Мама, я всматриваюсь в твои глаза.
О чём ты ещё не успела рассказать?
Ну скажи мне, о чём, о чём?
Как закрывала меня от метели плечом?

Или как последний сухарь на семерых делила?
Не помню, чтобы тогда на нас сердилась,
Лишь ворчала: «Зачем материнская мне медаль?
Лучше бы Микитка* хлебушка детям дал!»

Свою порцию делила на всю семью,
А сама сутулилась ниже и ниже.
Тогда все горести списывали на войну,
Чтобы не думать о еде, мы запоем читали книги...

---

* Никита Сергеевич Хрущёв, руководитель Советского Союза (1953-1964 гг.).

Ты не ушла...

Я люблю тебя, мама, как и прежде, люблю!
Твои глаза, улыбку, шутку.
Каждый день я себе всё твержу:
«Ты не ушла. Просто задержалась на минутку.

У тебя были такие мягкие руки,
У тебя были такие добрые глаза!
Знаешь, выросли давно твои внуки,
О них я тебе хочу рассказать...

Пробежали, пролетели годы.
Стали сыновья седобородыми.
А ты с радостью лелеяла
Уже новое – третье поколение!

Внуки называли редко тебя бабушкой,
Для них ты была больше старшей подружкой.
Они любили твои тёплые руки
И козьё молоко, которое ты им наливала
в старой кружке.

Марципанов в жизни ты ела мало.
Даже ирисками себя не баловала.
А когда привозили на Михалин конфеты,
Коробки не открывала – берегла детям!»

Почти век прожила наша мама.
И всё повторяла неустанно:
Мне бы в 95 быть, как в 75, –
Продолжать раньше солнца вставать!

Печалилась: «Быстро бегут мои годики,
Не переведёшь их назад, как часы-ходики...»

Батя добавлял: «Берегите нашу маму.
Её не купишь ни в одной краме*».

Мама давно меня не встречает после дороги дома,
Но я ловлю её взгляд, когда поднимаюсь в горы.
Мама не готовит мне свои фирменные пироги,
Но всегда я слышу рядом её знакомые шаги.

Даже если я напишу о маме романы,
Всё равно расскажу о ней очень мало.
Мама ушла. Как это больно!

Теперь я тоже стою на краю?
Я знаю, где искать тебя, родная!
Твое место только в раю!

За окном горячее лето: жарой пышет хамсин.
Я снова собираюсь в далёкое местечко Михалин.
Мои внуки вместе со мной его уже навестили.
И теперь рассказывают всем, какой была
бабушка Ира...

Не имела дорогих нарядов

Мама в молодости не имела дорогих нарядов.
Только простенькие бусы да ситцевое платье,
Но ловила на себе восторженные взгляды.
Даже не подозревала, какая она красавица!

Чёрные косы укладывала в царственную корону,
На коромысле через плечо несла полные два ведра.
Не сгибаясь под тяжестью, шла по дороге.
Во всей деревне наша мама была такая одна!

---

* Магази́н (*белорусск.*).

И другие женщины себя нисколечко не жалели,
Часто вместо лошадей в плуг себя запрягали.
Только здесь раньше не видели, чтобы евреи
Ни в какой работе местным жителям не уступали.

Никакой косметики мама в те годы не знала.
Да и она была ей совсем не нужна!
Под берёзами в искристой реке умывалась
И под рукомойником чистила зубы добела.

Авторитетом стала для всего села.
Оно раскинулось в белорусской глухомани.
На крестьянской телеге нас туда привезла
Наша такая отважная еврейская мама!

Деревня глухая с названием «Красавичи».
Без света, дороги и с пустым магазином.
Жили там простые люди – Фёдоровичи, Ивановичи,
Вот туда и приехали Давид с Ириной.

Отец-фронтовик – инвалид, не нужный стране.
Мама – с учительской нищенской зарплатой.
У него вся семья осталась на войне,
И некуда больше податься солдату.

Соломенные крыши, земляные полы,
Несчастные солдаты, инвалиды войны с костылями.
Оттуда даже улетали с грустью журавли.
Но десять лет там жила с нами мама.

Всё успевала – вытопить печь, подоить корову,
Пятерых сыновей помыть, постричь, накормить.
И никогда, никогда не повышала голос.
Как же можно было такую маму не любить!

Думали: белые ручки, учителка, неженка.
Не задержится долго – уедет в город.
А ты пережила войну, была беженкой,
Не зря я из-за тебя с соседями спорил.

Соседский дед Микола кряхтел, ходил по хате,
Щурясь от солнца, доставал из кармана груши.
Помню его большие руки, как две лопаты,
И как он, прижимая руку к уху, маму слушал.

В том селе я открыл для себя мир разных людей.
В детстве на всё смотрел открытыми глазами.
Одни издевались надо мной: «Ты жид или еврей?»
Другие меня угощали вкусными капустными щами.

Через дорогу от нас жил Сеня-гармонист
С лицом, обожжённым в танке.
За дружбу с нами недруги обзывали его сионистом.
А он их бил постоянно по шапкам...

Увидел маму я во сне

Как-то утром по весне
Увидел маму я во сне.
– Мама! – закричал, заметив её тень.
Проснулся: по крыше стучит дождевая капель...

Мама! Ты приходишь ко мне часто во сне,
Особенно, когда я далеко от дома.
Я уверен: ты заботишься обо мне,
Поэтому чувствую себя так спокойно.

Мама! Ты со мной, когда я болею,
Тёплым ветром проскальзываешь в окно:

– Сынок! Ты обязательно выздоровеешь!
Только... больше не пей холодное молоко.

Вновь я с тобой мальчишка, как прежде.
Кажется, что ты вот-вот откроешь двери.
Воспоминания о тебе так свежи ...
Нет тебя? Не могу я в это поверить!..

Весна робко входила в дверь

Весна робко входила в дверь –
Холодным месяцем был апрель.
Мои родители, чудом выжив, после войны
На руках меня из роддома несли.

Я был первым – дружной семьи начало!
Потом ещё четверых мама в люльке качала.
Отец шутил: «Восстановим еврейский народ скорей,
Повезём на Ближний Восток своих сыновей».

Мать, отец и пять голодных сорванцов
Исходили все дороги в Михалине.
Говорил отец: «Сынки, всё будет потом.
Главное – дожить до Иерусалима!»

Под клёкот журавля
Мы улетали утром.
«Семья – это семья!» –
Наш отец изрекал мудро.

Мои зимы и вёсны

Незаметно пролетели мои зимы и вёсны.
Полжизни – здесь, полжизни – там!
Я помню вас, берёзы и сосны,
И память эту внукам-правнукам передам.
Не забуду Беларусь с туманом над крышей,
С белым аистом, улетающим всё выше и выше.

Полотна Левитана на воде

Беларусь, люблю твои голубые рассветы!
Левитана полотна мне чудятся на воде.
Какие мне найти слова и рассказать трепетно,
Что красоты такой нет на земле нигде!

Беларусь – страна белая

Ракеты в космос летят то и дело,
Дома вслед за ними поднимаются в небо,
А по траве ходит лошадь белая,
И люди живут, как жили деды.

Синий закат, синий закат

Синий закат, синий закат!
Ветви берёзы, словно девичьи косы.
Солнце бросает свой последний взгляд
И уходит за горизонт... рыжеволосое.

Чтобы внуки рождались в Иерусалиме...

Надо мной нежные рассветы,
Ещё выше – бирюзовый туман.
Как давно я расстался с белорусским летом!
А мне кажется: никуда не уезжал.

Берёзовая роща, как мама в белом платье, –
Такой её увидел... Какое счастье!
Крапинки на небе, как мамины глаза...
И мне опять кажется: никуда не уезжал.

Ветер тёплый, как отцовский взгляд.
Морщинистая груша, как рука деда...
Я всё вспоминаю вдруг и невпопад –
И ничего с собой не могу поделаться.

Где это всё? А может, ничего и не было?
И домик наш здесь не стоял?
Мне всё приснилось? Налетело? Наваяло?
А может, я никуда и не уезжал?..

Вы спросите, зачем же я уехал,
Если осталась такая ностальгия?
Я хотел быть свободным человеком.
И чтобы мои внуки рождались в Иерусалиме!

Постойте с нами у пруда

Две белые утки, приплыв друг к другу,
Застыли вместе на водной глади.
Чтобы обняться, нужны руки.
А если их нет – обнимаются взглядом!

Жизнь! Ты – единственное чудо!
Неповторимое – для всех и навсегда!
Мы на земле живём, потому что любим.
Белорусским вечером я стою у тихого пруда.

Берёзовое царство!

Берёзовое царство,
Приснилось ли ты мне?
В золотом убранстве,
В далёкой стороне.

Плывёшь над рекою
Под небом голубым...
Сегодня ты со мною?
Я здесь когда-то жил!

Но потеряв тебя, я больше получил!
Библейскую землю –
О ней ещё мои деды мечтали!
В далёких странах со мной

всегда Иерусалим!

А с берёзами я с радостью встречаюсь!

Разукрасила улицу радуга

Разукрасила улицу радуга,
В розовом свете плывёт тёплый вечер.
Я приехал в Беларусь из Израиля,
Это было в августе, летом.

Вышел на улицу, дома разукрашены,
Через реку переброшена радуга.
В сенях пахнет капустой квашеной.
Я приехал в Беларусь из Израиля!

Мне бы постучать в окошко,
Где краснеет яркая рябина,
Увидеть маму с косой роскошной
И всю её – такую красивую...

Ох ты, радуга, радуга!
Ты развесила полотенце цветное.
Я приехал в Беларусь из Израиля,
А мне кажется, снова я дома!

Новое утро открывает свои глаза,
И всё появляется в ярком свете.
Беларусь – это такая же моя земля,
Как и та, куда я улетел давним летом...

Мне повезло: чудо встретил!

Мне повезло: чудо встретил!
Кусочек красоты вдали от дома...
Стоял удивительный летний вечер,
И вдруг я услышал раскаты грома,

Но даже он не нарушил таинство уголка.
По-прежнему обнимались небо и река,
Волшебная сказка открыла предо мной двери,
И в то, что она жива на Земле, я поверил!

Чайка над волною летит

На улице дождь моросит,
За весной идёт лето.
Чайка над волною летит,
Как невеста, в белое платье одета...

Там малина наша живёт

Всё то же – и калитка, и забор,
Вот только окна смотрят сиротливо...
Я узнаю тебя, наш бывший двор,
Где моё детство было таким счастливым!

На зорьке вставала наша мама,
Белый сад дышал, запах был, как в раю.
Как она никогда не уставала?
Я до сих пор никак не пойму...

Над крышей вился дым, уходя в небо,
Тёплый пар над картошкой на столе.
Как давно я в Михалине не был!
Но каждую ночь его вижу во сне.

Узнаёт, встречает нас старый дом.
Угощает сладкой садовой малиной
Белоруска, живущая сегодня в нём,
А мне вспоминается вкус такой родимый.

Да-да, малина здесь росла,
Мы сами её в саду посадили.
Я помню, меня от простуды спасла.
А мы о ней забыли? Нет, не забыли...

Дом и сейчас стоит у дороги,
Я с ним встречаюсь почти каждый год.
Я знаю: в любой напасти он мне поможет,
Ведь там малина наша живёт!

В белорусской дымке

Наш домик живёт в белорусской дымке,
Жёлтые цветы выросли после разлуки сами.
Домик чётко не получился на снимке,
Зато рядом с цветами я словно увидел маму.

Она нежно погладила меня по щеке,
Я услышал слова её любимой песни.
– Сынок, ты так долго живёшь вдалеке,
Но здесь ты тоже свой! Здешний!

Дрова из леса привёз с детьми дед Залман,
Разрезал, наколол со мной отец Давид,
И стало так тепло в хате старой!
Мама спешит всех утром накормить.

Подаёт нам на печку тёплые draniki,
Мы, как птенцы, раскрываем рты.
Я снова вижу братьев маленькими.
Что это – видение или вещи сны?..

...Жёлтые цветы на фоне дома.
Казалось бы, обычная картина?
Но в прошлое я возвращаюсь снова и снова
Из своей квартиры в Тель-Авиве.

Из этих мест мои деды́

Из этих мест мои прадеды, деды́,
Давно травой заросли их следы.
Почему меня не отпускают белорусские росы?
Бог мой! Я не могу ответить на эти вопросы.

Пчелы кружатся в вечном танце.
Видно, они обрадовались нашей встрече.
Я больше не чувствовал себя иностранцем
В этот белорусский летний вечер.

Дай мне руку на прощание, Беларусь!
Ещё немного – и я с тобой расстанусь.
Ты знаешь, я к тебе обязательно вернусь!
На сердце грусть и непонятная жалость.

Я не скоро увижу полёт журавлей
И твои бездонные голубые озёра.
Я возвращаюсь в страну моих детей.
Чтобы дальше жить у Средиземного моря.

Но сейчас я счастлив, как никогда.
И могу только гордиться:
Две Родины есть у меня,
И есть у меня две столицы!

Какие чувства овладели здесь тобой?

Какие чувства овладели здесь тобой?
Что вспомнилось, дочь, после дальней дороги?
Как мчалась к бабушке летом и весной,
Как читала здесь первые слóги?

Бабушка тебя встречала у ворот,
Здесь она шла за твоим первым шагом.
Этот дом ещё её теплом живёт.
Что же в нём от неё осталось?

Крылечко, коридор, и зал,
И даже печь с плитой на старом месте.
Помнишь, как бабушка собиралась на вокзал
И вдруг схватилась рукой за сердце?..

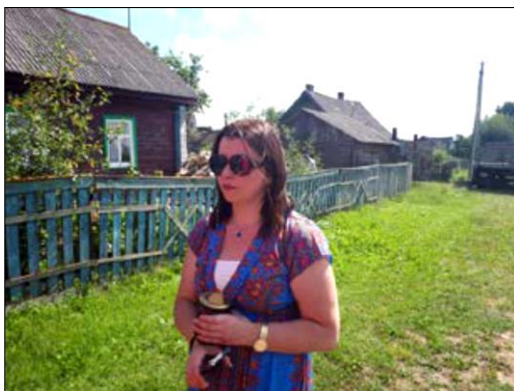
Посмотрела со слезами в окно, обняла дверь,
Постояла минутку у берёзы:
– Всё! Можно уходить теперь!
Прощайте, мои белые розы!

Через день самолёт взлетел над полем,
А приземлился далеко-далеко.

Все годы жила бабушка Ира возле моря,
Вспоминая время, которое ушло.

Все было хорошо – дети, внуки рядом.
Вот только молодость осталась там...
Провожала облака печальным взглядом
И подносила платочек к глазам...

Мама, мама! Где ж следы твои найти?
Твоя внучка стоит у ворот.
Как ей нелегко было сюда прийти!
Ещё тяжелее переступить порог.

В Израиле не пишут некрологи

Фото Валерия Бысова

В Израиле не пишут некрóлоги,
На памятники не возлагают цветы.
Уходят из жизни бывшие журналисты, филологи,
Расстаются с нами мамы, папы, бабушки, деды́.

Свою жизнь они разделили на две половинки.
Одну часть там оставили, вторую сюда привезли.
Со своих детей сдували пылинки
И купались в их чистой любви.

Жизнь! Ты всему отводишь сроки.
Почему поступаешь так жестоко?
В прошлой жизни всё так же щебечут сороки,
А в этой становится всё более одиноко...

Слышу прежние песни

Вечер плывёт над рекой,
Белые берёзы раскинули ветви.
Я снова приехал домой?
Я снова слышу прежние песни?

Не упрекайте меня, друзья!
Мол, чего же я уехал в Израиль?
Ведь Беларусь – Родина моя,
Здесь остался домик моей мамы.

Чайки на берегу собрались, как семья.
Присесть бы рядом с самоваром!
Вот-вот подойдут мои друзья,
Слава Богу! В Беларуси их немало!

А вокруг живёт вот такая красота
И необыкновенное очарование.
Вновь дорога меня позвала –
В Белую Русь из далёкого Израиля.

Синенький домик, белые рамы

Ну где я такую красоту найду?
Синева в небе и синева вокруг!
Снова по улице Советской иду.
А сердце моё: «Тук-тук, тук-тук...»

Синенький домик, белые рамы!
Скажите, вы обо мне вспоминали?
Я к вам прилетела из далёкого края.
Помните, как впервые сказала: «Ма-ма»?

Живёте, как раньше жили?
Моих бабушку и дедушку не забыли?..
Они строили эти стены, поднимали крышу.
Голос детей в этом доме слышали.

Здесь рождались их дочери, внуки.
А потом... наступил день разлуки.
Вышли на крылечко, в окна посмотрели,
Обняли каждое дерево в саду.

И далеко поехали-полетели,
Тревожась за свою судьбу.

И вот я приехала, домик,
Ты, как и раньше, стоишь на реке Сож.
Помнишь, как я называла тебя «слоник»?
Ты на него был так похож!

Но исчезло наше семейное крыльцо.
Ты поменял своё прежнее «лицо».
Домик-домик, ты совсем стал чужим.
Не простил, что мы уехали в Иерусалим?..

Женя Златкина-Фишер:

Борис Шнейдерман, мой будущий дедушка, ушёл на войну вместе со своими четырьмя братьями.

Два брата-политрука, Моисей и Саша, погибли, трое – Пётр, Ефим и Борис – вернулись домой. Первый – с культёй вместо руки, второй потерял зрение, третий – бронхи...

В 1945 году возле дома родителей бывший старшина Борис построил новый дом, куда привёл выпускницу института иностранных языков, красавицу Любу – мою будущую бабушку.,

Так началась история дома на перекрёстке двух главных городских улиц. В нём родились моя мама Аня и моя тётя Мара, я и мой двоюродный брат Максим. В этом доме всегда было весело и шумно.

А в 1991 году из города Кричев все мои родные по маминой линии уехали в Израиль. В 2017 году я вернулась в Беларусь всего на несколько коротких дней...

В отцовском саду

Через годы возвращаюсь в наш сад,
В то последнее августовское лето.
Над нами белые аисты летят:
– Они нас принесли? – спрашивают дети.

Зелёный сад в зелёном Михалине,
Ты и сегодня помнишь нашу встречу?
Мы разлетелись по всему миру,
А это фото улетело в вечность...

Стали давно наши дети взрослыми,
Внуки выросли далеко от отцовского сада.
Только снятся мне далёкие вёсны,
И как возле калитки меня встречала мама...

Здравствуй, королевская птица!

Здравствуй, королевская птица!
Я встретил тебя в арабском Марокко.
Тебе тоже дома не сидится?
Поэтому улетела так далёко?

Не мёд, брат, чужбина, не мёд..
Поэтому ты одинока?
Я тоже не всё знал наперёд.
Жизнь – она всюду жестока.

Птица, мы с тобой в чём-то похожи,
Странница – ты, странник и я.
Давай-ка однажды днём погожим
Вернёмся вместе в родные края!

Туда, где взлетала ты на рассвете,
Там такая росистая трава,
Там мягкое солнце светит,
Там ждёт тебя твоя родня.

Ты расправишь крылья над гнездом,
Стая аистов вылетит к тебе навстречу.
Там твой настоящий дом,
Там твоё вечное лето!

Беларусь ты моя синяя!

Беларусь ты моя синяя!
Нарядилась в платьице сатиновое.
В наряде простеньком, но такая красивая!
Идёшь дорогою неторопливою.

В изумрудной короне твои леса,
В голубизне рек купается небо.
Конечно, на земле есть и другие чудеса.
Моё же чудо – земля, где босиком я бегал.

Беларусь ты моя синяя!
Ты уже не в платье сатиновом,
Но руки те же – как у моей мамы.
Сюда не в гости, а домой прилетаю!

Беларусь ты моя берёзовая!
Мы все на твоей земле рождённые!
Ты, как мама моя с руками натруженными.
Где бы ни был я – мне очень нужная!

Пела песни аидише маме...

В зеркале собой любитесь лес.
Он, как девушка в белом платье.
У меня к нему свой интерес –
Ищу тропинки, по которым бегал с братьями.

Но они исчезли так давно,
Заросли густыми травами.
А лес шумит, как той зимой,
Когда пела нам песни аидише маме...

Мы с тобой похожи, как братья

*Другу юности Иосифу Цыбуленко,
жителю города Климовичи, Беларусь*

Мы с тобой похожи, как братья.
Ты – Иосиф, я – Ефим.
Мы оба так любим смеяться!
Ты остался дома, я уехал в Иерусалим.

Но мы живём под одним небом,
Друг друга чувствуем всегда.
Даже в тех местах, где ты не был,
Со мной была улыбка твоя.

А годы бегут, молодость отнимая.
Стареем. В зеркале не узнаём себя.
Как же в жизни этой мало надо:
Идти, как ты, с улыбкой – всех любя!

Абрам и Давид – отцы наши

Абрам и Давид – отцы наши,
Я и Лёва – двоюродные братья.
Они свою жизнь хлебали из горьких чашек,
И мы в ней тоже не можем разобраться.

Хрущёв обещал коммунистический рай,
Михаил Горбачёв начал перестройку.
Один врал, второй его лозунгами догонял,
А мы жили с двойки на тройку.

Что теперь? Стары, седы.
Только отцовские пилотки греют души.
У многих не жизнь, а дырявое корыто.
Наше поколение рассеяно по миру, забыто...

Жизнь прожить – не поле перейти

На коленях – руки в старческих прожилках.
Стали меньше ростом, согнутые спины.
Лица изменились – в глубоких морщинах.
Какова жизнь, такова и картина!

Трудно поверить, какими вы стали,
За плечами – жизнь, к причалу пристали.
Кажется, ещё рано, но тяготят вас годы.
Выросли дети-внуки и ждут подмоги.
– Как живёшь, Миша? Как живёшь, Алла?

– Да разве мы жили? Всё время спешили!
Школы, институты, маленькие дети...
Вначале с родителями жили вместе,
Мечтали о своей квартире, деньги собирали,
Пожить в ней не успели, за гроши продали.

Земля Обетованная появилась на горизонте,
Снова с нами вместе – мамы и тёщи.
Опять всё сначала, как после школы,
Но без иврита не брали даже сторожем.

– Всё понятно, Миша! Всё понятно, Алла!
Жизнь в Израиле вас не баловала.
– Не баловала, но сильно не давила.
– Значит, здесь вы счастливы были?

Замолчал Миша, спрашивает Алла:
– Скажи, а что нам для счастья надо?
Одним – квартиры, деньги и машины;
Другим – жить дома, а не на чужбине...

- Были у нас квартира, деньги и машина,
Всё мы поменяли на жизнь в Иерусалиме.
- Почему же ваши лица в таких морщинах?
- Нелегко было, хоть не на чужбине.

Смотрит Миша на Аллу, Алла – на Мишу,
Моего вопроса они даже не слышат.
– Что было, то было, прошло, не задержалось,
Только на лицах пережитое осталось.

- До свидания, Миша! До свидания, Алла!
Вот мы и встретились с вами у причала.
- Мы всё время спешили, подгоняли годы,
Даже не жили – бежали по дороге.

– И я такой же, со сгорбленной спиной,
Прошедшая жизнь меня не обнимала.
Что делать? Я тоже иду своей дорогой.
Какая ни есть, а я ей благодарен!

Будь со мной всегда!

*Посвящаю своей жене
Анне Златкиной*

1

Купалось солнце, небо розовело,
Уплывал закат за батумский горизонт,
От дневной жары Чёрное море сомлело,
Заканчивался ещё один летний денёк.

Народ загорелый высыпал на бульвар,
В разноцветье разукрасился вечер,
Белый корабль взял курс на причал.
А я... мысленно обнимал тебя за плечи.

Ты не всегда рядом, но всё равно со мной!
Где бы я ни был: на Занзибаре или в Батуми,
Никто никогда не сравнится с тобой,
Ты была, есть и будешь моей Музой!

Ты даже не представляешь, как мне нужна!
Как твои голубые глаза мной любимы!
Помнишь, когда я впервые об этом сказал?
В феврале, когда стояли ночи длинные.

Мне хочется быть просто мужем,
Быть рядом с тобой, одним воздухом дышать,
Но тогда, тогда... не увижу в тебе Музу.
Свои чувства боюсь в буднях расплескать.

Спешу быть в дороге раньше солнца,
Хочу быть в дороге, когда засыпает луна.
Придёт время, все дороги вспомнятся,
Но не вернуться дни, когда ты была одна...

2

Бывают в жизни чудеса:
Живут рядом два разных полюса.
Ты нетороплива, я всегда спешу,
Ты любишь холод, я – жару.

Но молю я Бога: будь со мной всегда,
Любимая, близкая, родная.
Ты мне нужна, как воздух, как вода!
С тобой не нужно мне никакого рая!

Подходит старость – мы с тобой в пути.
Как ни странно, на восьмом десятке.
Ты мне говоришь: «Притормози!» –
Но не может быть иным Ефим Златкин!..

В своей дочери вижу маму

В своей дочери вижу маму,
Как будто она не рассталась с нами.
У неё такой же тёплый взгляд
И чёрные волосы почти до пят.

Мой сын, как и мой отец, – Давид,
Еврейское имя несёт гордо по свету.
Я желаю ему вперёд идти,
А он – уже своим детям!

Мои братья стали дедами.
Седина, седина, седина...
«Жизнь наша, что ты сделала с нами?»
А она в ответ: «Такая у всех судьба!»

Мои московские сестры

1

Галине Климовой

Мы не родились с тобой в селе Прянички:
Я совсем рядом, ты – в другом краю.
Тебя я совсем не видел маленькой,
Но столько лет ждал свою сестру!

Мы с тобой даже дышим одинаково,
Столько лет видим похожие сны!
Нам обоим так дороги наши матери!
Но снятся больше нам отцы.

Мы живём в наших книгах,
Ищем оба наш общий род.
А встретились в стране-апельсинов,
Где пишут не как все, а наоборот.

Почему твои глаза мне так знакомы?
Ведь твой взгляд раньше не встречал!
Но мне кажется, ты меня провожала дома,
Когда в далёкие края я улётал.

Почему всё, что было, мне не даёт покоя?
Почему это тревожит так сильно и тебя?
Мы из одного семейного «роя»,
Но наши деды разлетелись в разные края.

2

Татьяне Фокиной

Моя столичная сестра,
С тобой мы встретились однажды.
Распорядилась так судьба.
Но это уж совсем не важно!

В твоих глазах я вижу твою душу.
Как свежий снег, она чиста!
Сестра! Ты меня послушай
И подними бокал красного вина.

Я тоже подниму бокал вдали.
Нам расстояние – не преграда!
Ты в России за всех помолись,
А я положу записки в Стену Плача.

В Москве такие белые снега!
А в Иерусалиме вновь расцвели цветы.
У меня есть ещё одна сестра?!
Так хорошо, что даже пишутся стихи...

Замёрзшие слезинки

Мы порознь прожили жизнь не одну.
И снова расстаёмся надолго.
Я к себе в Иерусалим улечу,
Где бывает всегда беспокойно.

А ты шепчи слова своей молитвы.
За сыновей и внуков – они за океаном!
Тебе порой без них бывает скучно.
Поверь, они всегда грустят о маме...

И ничего не изменить – всё во власти Бога!
Годы мчатся, как быстроногие кони.
На моей улице светится синагога,
А рядом желтеют созревшие лимоны.

У тебя же такие волшебные кружева!
И так танцуют белые снежинки!
Далеко-далеко от меня настоящая зима.
Тают, тают на твоём лице
замёрзшие слезинки...

Смеются облака

На средиземноморском пляже смеются облака,
Под музыку прибоя танцует море.
Девушку-славянку я различил издалика:
Она была на южных женщин не похожа.

Белоруска ещё не успела загореть,
Молочной белизной её светилось тело,
Невольно заставляя всех мужчин краснеть,
Особенно тех, кто был несмелым.

Розовой бронзой отливали тела нимф,
Но одна – серебряная – оказалась всех краше.
Как будто не явь это, а оживший миф –
Приходилось свой взгляд отводить даже.

Но грезить о славянках лучше во сне –
Израильтянки ничуть не хуже!
Наши девушки с нами даже на войне,
А приезжие ищут только... мужа.

Могилёвским журналистам

Дорогие друзья, могилёвские журналисты!
Многих из вас уже нет. Видно, такова судьба...
На землю, как всегда, падают жёлтые листья.
Только я не пойму, в чём ушедших вина.

Вместо них – пустота и молчание,
Вновь пришедшие стали чужими.
Есть у молодых талант, есть призвание.
Жаль, что ушедших больше не увидим.

Цепочками поколений мы бредём по планете,
Над нами тени ушедших вдаль.
Знаем ли мы, придёт ли ещё один вечер?
Знаем ли мы, где наш последний причал?

Хотя... он был раньше и будет вечно!
Наступит время, и мы улетим с облаками
Туда, где проложен наш путь небесный,
А потомкам оставим книги, что для них писали.

Билет в кармане

У меня билет в кармане
На новый полёт в Беларусь.
Там вновь я увижу улыбку своей мамы,
Там на всё никак не посмотрюсь.

На востоке страны, где начинается день,
Меня встретит прожитых лет тень,
На западе – вернутся мои армейские годы.
В Белой Руси веками жили два наших народа!

В еврейских местечках – Сары и Абрамы,
В белорусских деревнях – Пелагеи да Иваны.
За долгую историю многое было,
Хорошее помним, плохое... забыли.

Поэтому любим тебя, Беларусь,
Твои луга, твои реки и заливы!
Помню тебя не только я, твой верный сын,
Но и многие живущие теперь в Тель-Авиве.

Они, как и я, не забыли свои корни,
Хотя пролетели многие годы.
Ты нас тоже не забывай! Хорошо помни,
Что мы были с тобой одним народом.

Я на перепутье времён и стран

Я на перепутье времён и стран,
Как та быстрая перелётная птица.
Много друзей в Белоруссии повстречал.
Как запомнить мне ваши лица?

Я не знаю, когда назад вернусь.
И вернусь ли когда-либо?
Только пусть живёт вечно моя Беларусь.
Луга, поля, леса! Я вам говорю: «Спасибо!»

Белорусская осень

Осень деревья обнажила,
Нарисовала сказочные тени.
И... появилась волшебная картина
В одном парке, на одной аллее.

Я иду по ней неторопливо,
Октябрь перевалил за половину.
Жёлтые листья, деревья, тени,
Год за годом, как в карусели.

Так и в жизни – вёсны, зимы.
Загрустили? Загрустили...

Осень! Я письмо тебе напишу

Деревья теряют свою листву...
Наступает волшебное очарование.
Осень! Я письмо тебе напишу
Перед нашим с тобой расставанием.

Твои жёлтые аллеи увижу через год.
Даст Бог, встретимся снова.
Закружи! Закружи меня, золотой листопад!
И я вернусь от берегов Средиземного моря.

Потому, что я – частичка твоя!
Сколько лет тут встречал осень и зиму!
Я давно улетел в дальние края,
Живу с семьёй возле Тель-Авива.

Я наконец обрёл свою страну!
С горячими песками, знойным морем...
О других ничего не скажу.
Но я скучаю по тебе, золотая осень!

Лирические мотивы

1. Скамейка для сердца

А может, для двух?
Хотите быть вместе?
Жить без разлук?

Тогда поспешите,
Скамейка пуста.
Не ждите, не ждите,
Жизнь коротка!

Прощай же, скамейка!
Я снова в пути.
Сквозная аллея,
Ты не грусти.

На улице – осень,
Давно не весна.
Любви кто попросит –
Вернётся сюда.

Страдать не страдаю,
Живу, как могу.
Увидел скамейку –
Стою и стою...

2. Мы на лодочке катались

Мы на лодочке катались...
Когда это было?
Были молоды – влюблялись!
Где вы, Галя, Лена, Мила?..

Лодочка, лодочка! Ты на том же самом месте.
Только постарели все мои невесты.
Да и я уже не тот – голова седая.
Уплыла молодость моя, а куда не знаю...

Часть претъя

*Я один из тех, кто чудом родился
после войны...*

Минское гетто!
Почему голоса твои чёрные камни?
Расстреляно около 100.000 евреев

Минское гетто, минское гетто!
Слышу через годы лай овчарок и плач деток,
Крики полицаев и мольбы евреев...
Всех расстреливали без промедления...

Минское гетто, минское гетто...
Помнишь мужчин и женщин раздетых?
Полициаи даже убивать уставали,
Садилась на край ямы – самогонку распивали.

Вспомни, вспомни, Минское гетто!
Что ты молчишь? У тебя нет ответа?
– Но почему тогда голоса твои чёрные камни?!
Сто тысяч евреев сгорели в пламени.

Над гетто дрожат детские тени:
– Нам холодно! Почему нас раздели?

Нас бросили на дно ямы!
Где наши папы и мамы?

Гетто, гетто, гетто...
Ты не в ответе. Виноваты люди-звери!
А в старом пустом доме напротив
Под ветром жалобно заскрипели двери...

Красные маки

«Мне было четыре года, когда я попала в гетто, и до семи лет я видела, как сжигают людей. Каждый день жирный пепел опускался на наши бараки», – рассказывает Инна Михлина из израильского города Ашдод.

После этого рассказа у меня родились следующие строки...

За колючей проволокой расцветают красные маки.
Чёрный дождь опускается на еврейские бараки,
В воздухе пепел, жирный пепел...
Господи, как он глаза слепит, как глаза слепит!

«Ма-ма, – рвёт на себе волосы девчушка, – не улетай!»
Охранник злобно рычит: «Дверь не открывай...»
В небо уходит мама, ма-ма, м-а-м-а-а,
За нею – дядя Исаак, подружка Злата, тетя Клава. А-а-а-а...

Падает, падает пепел на землю, на крыши.
Потрескивают тела, в бараке шуршат мыши, мыши...
Охрана беснуется, даже шутит: «Ну, что за евреи?!
А ведь вначале умирать не хотели.
Не разгорались, а только шипели, шипели».

Теперь, словно ангелы, пляшут над костром.
Чёрное облако над гетто – чёрным вселенским столбом.
И вдруг тишина... Только вьётся дымок над бараками.
Опустили головы, почернели от зрелища красные маки...

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО ОКТЯБРЯ 1943 ГОДА

перестало существовать минское гетто: в этот день были уничтожены последние евреи, которые пережили все предыдущие акции. Через полгода, когда Минск освободила Красная Армия, в старом склепе на еврейском кладбище было обнаружено 13 евреев, которые замуровали себя живьём в подвале. Это была сенсация...

Но была ещё одна сенсация, о которой многие сегодня не знают. Это – несколько выживших еврейских детишек, которых прятались в самом Минске.

Среди них – Давид Таубкин, ныне житель израильского города Петах-Тиква. Летом 1942 года он чудом убежал из гетто и скрывался, выдавая себя за русского мальчика.

Из гетто бежали два друга

Из гетто бежали два друга –
По девять им было лет.
Одного приютила мамина подруга,
Другому твёрдо сказала: «Нет!»

«Я выжил, но не знаю, что с Сёмой?
Куда он дальше пошёл, что с ним?
Меня укрыли в стогу соломы,
А друг за калиткой остался один...

Меня не обрезали, и я был светлый,
У друга же было всё наоборот.
Я остался живым, пройдя пекло.
А вот Сёме... таким всегда не везёт».

Где-то далеко растёт малина.
У нас за окном цветут лимоны.
«Я живу возле Тель-Авива,
Приезжай! Жду тебя в своём доме!» –

Говорит мне Давид, бежавший из гетто,
Которому выпала судьба жить.
Его друг не пережил то страшное лето –
В сорок втором в лебеде был зарыт...

Что тебя так долго мучает, Давид?
Почему своего Сёмку не можешь забыть?
Эх, если б жизнь удалось исправить,
Мог бы дружок твой жить!..

Вопросы, вопросы... Но нет ответов.
Вернуться б на миг в то горячее лето
И спрятаться снова в стогу соломы,
Но на этот раз вместе с Сёмой...

«В доме других евреев спасали –
Но только мальчиков, которых не обрезали.
Видимо, не могла верная подруга мамы
Из-за Сёмки пожертвовать всеми нами...»

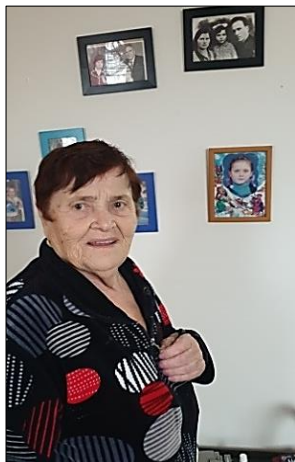
Мы молчим, общая боль нас давит –
Потери наши невосполнимы.
Но не терзай себя, друг мой Давид!
В сердцах наших все они живы. Живы!

Мои тётки, дяди, бабушка Сара,
Твой друг Сёмка, сестра и... мама.
Все те, кто остались в рывтинах и ямах,
Все, кого задушили в газовых камерах.

Израильское солнце даже зимою пàрит,
А в Беларуси сейчас такие белые снега!
Говори, Давид! Теперь уже мало кто расскажет
О том, как из гетто было тяжело сбежать...

Беги, девочка! Беги!

В день 23 октября 1943 года, когда уничтожали последних обитателей Минского гетто, шестилетняя Мария Мандель (Иванова, ныне жительница Ашдода) отправилась в русский район, чтобы попросить еды для мамы и маленького братика. Когда она вернулась, никого из евреев уже не было...

Руки сжаты в кулачки,
Волосы седые.
Жизнь прошла после войны,
Но снится война и поныне.

– Беги, девочка, беги!
Всех согнали в яму,
Начали кричать: «Жи-д-ы»!
А потом... стреляли.

– Беги, девочка, беги,
Пока не убили!
Что еврейка, промолчи,
Что бы ни спросили!

И бежать, бежать, бежать
Из такого ада.
Меня могли бы расстрелять,
Как маму и брата!

«Живи, моя девочка! Живи! –
Слышит она голос из ямы. –
Больше сюда не приходи!
Нас нет! Нас расстреляли...»

...Волосы седые,
Идёт тихо разговор.
«Потом парня полюбила,
И отец нашёлся живой...»

Сижу на кровати, мысли перебираю.
Я с мамой ли в гетто или опять убегаю?»

Стучит в окно ветер,
Словно поиграться хочет,
Но вечер не весел,
Мария редко хохочет.

«Слава Богу, появилась семья.
Дочь, сыновья, внуки, правнуки...
Но по ночам меня кто-то хватает за руки.
Кричат, бьют прикладами.
Просыпаюсь с криком: "Мамеле!"»

– Беги, девочка, беги! –
Машет во сне ей кто-то незнакомый...
В октябре снова зарядили дожди,
А над гетто по-прежнему кружат
чёрные вороны...

Мирское гетто! Почему твоя вода цвета крови?

Во время войны в Мирском замке было еврейское гетто. Из 3000 узников погибло 2900 человек. В августе 1941 года группа евреев совершила побег из подземелья. Через два дня расстреляли оставшихся 650 стариков и детей.

Мирский замок, Мирский замок,
Почему твоя вода цвета крови?
Только без сказок, только без сказок –
Правду! Правду нам расскажи!

Красив, ничего не скажешь?
И древностью своей, и родовитостью.
Только редкой тишиной не обманешь,
Помнишь, сколько евреев здесь убито?

Расскажи, как ютились они в каменном подвале,
А потом решились убежать!
Помнишь, как всей округой их искали,
Чтобы за килограмм соли карателям сдать...

Я приехал в бывшее гетто

Зелёная тишина в Праге, Вене, Друскининкае,
Только память в прошлое не улетает.
А у меня борода, как у деда Зямы.
Сколько его помню, он всегда убегал от ямы.

Я приехал в бывшее гетто.
Ищу, кто мне ответит?
Жили – были? Убили – забыли?..
И никому нет дела,
Что евреев перед расстрелом соседи раздели.

...Хочу подойти к порогу, прислониться к двери.
За моим дедушкой гнались не люди – звери.
Ему повезло: он один убежал от расстрела.
Дора, Зяма, Соломон не смогли. Да и другие евреи...

Не осталось шорников, портных..
Ни молочников, ни раввинов в кипах
И ни дел умельцев жестяных.
Стёрта надпись на могильных плитах.

Занесли песком шальные ветры.
Плачу. И до дрожи грустно.
Все ушли – районы, сёла, штетлы.
Смерч прошёл в столицах и в захолустьях.

Под белым саваном

В Варшаве такие яркие огни!
Вся она залита ярким светом.
А я слышу крики: «Имэле*! Спаси!»
И вижу горящее еврейское гетто.

Мне от этого никуда не уйти.
Кажется: я тоже в том же бараке?
Мне кричат: «Гранату! Гранату лови!»
Захлёбывается ещё одна атака...

Горит гетто, пылает, но стоит.
В живых остались единицы.
Мама что-то сыну быстро говорит
И... бросается с топором на фрицев.

Там, в Варшаве, жила Лея,
Родная сестра моей бабушки Сары.
Она с детьми в Польше не уцелела,
А мою бабушку в Беларуси расстреляли.

Скажете: «Было – и было,
Годы прошли – миллионы погибли.
Да и гетто далеко – где-то в Варшаве».
Но почему оно мне снится под белым саваном?..

---

* Мамочка (*идиш*).

На рассвете

ШЕСТОГО НОЯБРЯ 1941 ГОДА в городе Климовичи расстреляли около 900 евреев. Среди них было тринадцать человек из семьи моего отца Давида Златкина.

День шестого ноября на рассвете
Стал для них последним на свете.
Для нас же – днём боли.
Надрывно плачет ветер в чистом поле...

А может, обратились в ветер еврейские души?
Не греми гром! Ты этот плач не заглушишь!
Вижу тени родных, оставшихся за чертой.
Тень бабушки Сары – такой молодой!

Глаза в тоске и волосы седые в тридцать лет.
За что всё это? Кто даст ответ?
Молчу, лишь ветер треплет мои волосы,
Вслушиваюсь в бабушкин голос.

– Может, это не ветер, а еврейские души?
Откуда вы?

– Спустились свыше.
– С небес на поле?
– Знал бы ты, как там одиноко и больно...

– Бабушка, помнишь, как вас убивали?
– Люди нам помощи не оказали.
Нас прятали только яблони и сливы...
Но выдали соседи Фёдор и Василий.

– Значит, добрых людей не было рядом?
– Все молча, как крабы, пятились задом.
И нас всё ближе к яме подгоняли.
Сосед Кузьма избивал прикладом.

Забыл, как я угощала его чаем.
Я молила, хватала его за руки,
А он все рычал: «Конец вам, конец, суки!..»
– Где же евреи моего местечка?
В глубоком овраге за нашей речкой.
– Нас бросали и бросали в песок, в яму...
– Почему ты не уехала, бабушка Сара?

– Мы теперь не люди, а тени.
Облаками плывём над землёй.
Но разве миллионы могут исчезнуть?
Вот захотели – и вернулись домой...

Язычки пламени поднимаются, как души...

Язычки пламени поднимаются, как души,
Я хочу вас сегодня послушать.
Расскажите, расскажите, как это было?
Злата: «Ты знаешь, я ещё никого не любила».

Муня: «Меня очень сильно избили».

Хана: «А меня отбросили от мамы».

Сара: «А я кричала: "Дети, дети, убегайте от ямы!"».

Старались вчерашние друзья и соседи,

Толкали штыками:

– Никуда не убежите от нас, евреи!

– Не убежали?

– Нет! Нас всех расстреляли...

– Бабушка Сара, что ты делала в то время?

– Я просила защиты у... неба,

А оно затянулось чёрными тучами.

Я укоряла себя: до чего же мы глупые!

Отправили на войну мужа Залмана и сына Давида.

Они никогда уже нас не увидят...

Те, кто паникёрами нас называли,

Быстрее всех отсюда убежали.

Евреи в местечке остались одни,

А утром за нами... пришли.

Полицейские ввалились в дом,

Два немца в сторонке курили,

Сын Муня схватился за железный лом...

Тогда нас ещё не убили.

Били по дороге, детей из рук вырывали.

Одни улыбались, другие от страха глаза закрывали.

– Бабушка Сара, бабушка Сара,

В Михалине ни-ко-го из евреев не осталось.

Я прилетел к тебе из далёкого края,

А завтра обратно домой улетаю.

...Вокруг утренняя тишина,
Но кажется, что гремят колокола!
В ушах грохочет шум и гром,
И слово страшное: «Погром, по-гром!»

В тумане толпа не людей – зверей:
«Коли её вилами – так верней!»
Старается хромоногий Павел:
«Жида! Христа распяли!..»
Не помогают ни мольбы, ни слёзы,
От ужаса поникли ветви берёзы.

Облака! Облака! Прогоните эту свору убийц!
Это не люди! У них даже нет лиц!
Плач моей бабушки несётся из Михалина.
Через тридцать лет я приехал к ней из Иерусалима...

Я не верю! Я вижу местечко Михалин.
Где, где вы, евреи? Я здесь... один!
А евреи моего местечка
В глубоком овраге – за речкой.

Под зелёным шатром в раю
Я бабушку Сару много лет ищу!
«Это ты, внучек, уже меня старше вдвое?
Кто со мной? Евреи! Их очень много...

Мои дети! Мои родные – всё местечко!
Всех убили! До одного человечка!
Скажи, внучек, мы сегодня тоже кого-то задели?»
На сером камне ни слова, что под ним – евреи...

Свечи поминальные

Смотрю я на вас, свечи поминальные...
У меня нет никаких воспоминаний,
Я ни разу не видел ваши лица,
Никто из вас мне не может присниться –

Ни бабушка Сара, ни дяди, ни тётки,
Я вижу только мокрые следы.
Никто никогда не сможет
Увидеть вас и найти...

Язычки пламени, как еврейские тени...
Что вы хотите мне рассказать?
Как убивали вас соседи?
А вы могли только кричать...

Еврейское кладбище

Еврейское кладбище, ты такое печальное,
Скучаешь в одиночестве на окраине.
Под плитами чьи-то деды и родители...
Почти не приходят сюда посетители.

Дети и внуки в Иерусалиме...
– А вы помолитесь за нас в другом мире!
Навстречу бежит собачонка рыжая.
Может, это чья-то душа безвинная?

В мире не любят евреев?..

В мире не любят евреев?
Ни чиновники, ни народ?
Для любви ещё не пришло время?
Верю! Верю! Оно когда-нибудь придёт!

Последний из могикан

*Посвящаю
полковнику
Эмилю Зигелю,
жителю Ашдода*

За спиной солдата – могилы,
А в глазах – жуткая боль!
Господи! Где найти силы,
Чтобы терпеть её вновь и вновь?

Каждый день – атака и атака.
И днём, и ночью, летом и весной.
За что ему такая расплата?
Сотни раз умирать – он же ведь не святой!

Товарищ полковник! Твоя боль мне близка.
Она в сердце моём глубока.
Ты – один из последних могикан.
Почему скамейка возле тебя пуста?

Невозможно вернуться назад.
Не протянуть руку в прошедшее время
И никак не спасти никого из твоих солдат.
Вот поэтому скамейка твоя опустела...

Вокруг тебя – тени и тени.
А ты помнишь лица молодые?
И как цвела белая сирень
В те далёкие годы сороковые.

У тебя такой пронизывающий взгляд

*Посвящаю
Борису Гинзбургу
из Ашдода, бежавшему
из гетто, из концлагеря,
дошедшему до Берлина и
взявшему в плен группу
немецких офицеров*

Борис, расскажи! Расскажи! Расскажи!
За всех отцов, которые от нас уже ушли.
А может, помолчим?

Или выпьем стопку?
За тех, кого нет? Уже вдогонку?

У тебя такой пронизывающий взгляд,
И, как у моего отца, – местечковый говор.
Я готов был бы многое отдать,
Чтобы услышать одно отцовское слово.

Но вокруг – тишина, ни шороха.
Только скучает в шкафу отцовский мундир.
Где же вы, мальчики, нанюхавшиеся пороха?
Сколько вас осталось, бравших Берлин?..

Я бы много сказал о вас слов,
Написал бы о вас романы,
Но я не видел ваших снов
И не кричал в госпиталях: «Мама!»

Была синагога бранным словом

Была синагога бранным словом.
С властью можно было спорить?..
Говорили коллеги:

«Хоть ты и еврей, но в доску свой!
Ну-ка, выпей с нами... Да ты не стой!

Или евреи не пьют и через простыню любят?»
Смеются ребята, жмут руку, шутят.
Ведь они свои, как водки сто грамм!
А выпьют снова: «Где Сара? Где Абрам?»

И так всю жизнь: Абрам и Сара.
А у моего отца такое имя носила его мама.
Расстреляли их – маму Сару, брата Муню,
Сестёр Хаю, Злату.
В песчаном котловане, возле их хаты.

Мой отец, весь в бинтах...

Мой отец, весь в бинтах, горел в бреду
И беззвучно кричал воспалёнными губами:
«Мама! Мама! Я к тебе приду,
Только отойди – не стой возле ямы!»

Он в палате метался, видел мать на краю,
Поднимая свои перебитые руки,
И все кричал ей: «Я вернусь, вер-ну-у-сь...»
Но застывали ледышками в воздухе звуки...

Весь в ранах, вернулся он в Михалин,
А мама – в общей еврейской могиле.
«В двадцать лет на земле я остался один?
Лучше б меня на войне убили...»

Встречает Европа зелёное лето

Встречает Европа зелёное лето,
Асфальт ждёт июльскую жару.
Я от тебя много лет жду ответа:
Почему ты убила бабушку мою?

Ты ответишь: «Я не виновата,
Тогда были другие времена...»
Даже не помнишь, как убивала лопатой,
И в злобе рычала: «Жи-дов-ня-я».

Теперь всё чинно здесь, благородно:
Проше пани, проше пан...
Польша, Польша, как же ты злобно
Сбрасывала трупы евреев в бурьян?..

Варшава, вымощенные улочки

Варшава, вымощенные улочки.
Полячки, как белые булочки.
За костёл прячется жаркий день.
От евреев не остались даже тени.

Одних уничтожили каратели,
Других – местные надзиратели.
Польша! Польша – страна красавица!
Ты не хочешь в грехе покаяться?

Как всегда, ты играешь в лицемерие –
Быстро же забыла свои преступления.
Музеи сегодня – еврейские кварталы...
А не скажешь, куда исчезли аидише маме*?

Пройдёт ещё немного времени

Пройдёт ещё немного времени –
И больше не будет у вас евреев.
Может, только в исторических музеях
Увидите живших ранее иудеев.

Или в сериале «Предприимчивые ребята»
Покажут как редких экспонатов.
Как всё быстро меняется в мире –
Евреи уезжают из Франции, Украины, России...

---

* Еврейские мамы (*идиш*).

Разъехались евреи кто куда?

В социальных сетях я как-то прочёл:
«Разъехались евреи кто куда,
Оставив о себе память в городах...

Мы шлём им письма из нашего детства:
"Что вам снится на новом месте?.."»

А вот мой ответ:

«Мы уехали, но память осталась,
Мы не совсем с вами расстались!
Вернёмся, но... на время».

Как же вы без евреев?..

Осталась только речка

Прошедший век не изменил местечка,
Зато зовут его теперь селом.
Евреев там нет – осталась только речка,
Что, как и раньше, протекает за углом.

Ещё остались домики-хатинки,
Где жили кузнецы, сапожники, раввины.
К реке сбегают те же узкие тропинки,
И также шумен табор журавлиный.

Еврейское местечко улетело вдаль,
Его не вернуть, как и птиц перелётных.
«Ваших давненько я здесь не встречал.
Был тут сапожник Моисей,
что крепко прибывал подмётки».

Лунь-старичок вспоминает слова своей мамы,
И словно клубится дымок по-над крышей.
«В войну ваших всех положили здесь в ямы», –
Говорит лунь-дедок, а я детские крики слышу...

Я свячу прывязу з Іерусаліма

Праничкі, праничкі, праничкі!
Якімі смачнымі ў дзяцінстве вы былі!
Мы не толькі вас зрэдку елі –
Мае продкі ў вёсцы з назвай Праничкі жылі.
Я стаю каля старай хаты,
Ёй больш ужо за сто гадоў.
А мне гавораць: "Тут жыла Злата,
Яе забілі, як і ўсіх жыдоў".
Раскурвае цыгарку дзед Кузьма,
Дым над ім уздымаецца калечкамі:
– У Праничках яўрэяў даўно няма,
А раней было такое вялікае мястэчка!
Рака Асцёр нясе свае воды.
Вецер гуляе хвалямі па траве.
Я быццам чую, як грукочуць паліцэйскія падводы,
І бачу поўныя жаху – чорныя вочы ў акне.
– Гэта за намі, за намі, –
У голас плача Злата.
Сусед Федзя скрыгоча зубамі:
– Вымятайся! Цяпер гэта будзе мая хата...
Ад холаду паніклі галавы бярозы,
Асцёр плыве і плыве, як раней,
На галінках я раптам убачыў... слёзы,
Адсюль не збег ні адзін яўрэй?..
Я свячу з Іерусаліма у Праничкі прывязу.
І прачытаю па ахвярах малітву.
А потым яшчэ раз паслухаю дзеда Кузьму.
Пад восеньскі смутак жоўтых лісцяў.
Давно жыву на беразе Сяродземнага мора.
Не ем праничкі — ні мядовыя, ні гарадскія.
А ў мястэчках лятаюць цені:
Яны не мёртвыя — яны жывыя...

Мне сёння прыснілася вёска Красавічы

Мне сёння прыснілася вёска Красавічы,
Сяброўкі маёй маці – сельскія настаўніцы
Дзям’янаўна, Пракопаўна, Іванаўна,
Нашы суседзі – беларускія сяляне.
І – пустыя прылаўкі вясковай крамы.

Добра памятаю дзеда Яўсея –
~ Ён не бачыў ва мне чужака, яўрэя.
– Сядай, сыноч, – і даваў сподак мёду.
Тады я пазнаў дабрату беларускага народа.

Пасля вайны людзі жылі небагата:
Земляная падлога, стрэхі з саломы на хатах,
А ў нас і гэтага не было: здымалі кватэру
Адзіная на вёску сям’я яўрэяў.

Нашы беларускія суседзі,
Дзяліліся з намі тым, што самі елі,
Першыя агуркі з градкі
Прыносілі дзеці Міколіхі-салдаткі.

Дзям’янаўна – лепшая сяброўка маці
Карміла дранікамі ў сваёй хаце.
Горад далёка – ні святла, ні дарогі
Мы былі часцінкай беларускага народа.

Бабкі-павітухі прымалі роды ў маці.
Трое маіх братоў нарадзіліся ў беларускай хаце.
...Мая Радзіма, вёска Красавічы!
Як шкада, што цяпер паміраеш ты...
Я пачуў, што ў цябе засталася толькі чатыры хаты,
Сэрца сціснулася ад болю, як за маці...

Кра-са-ві-чы, Кра-са-ві-чы, Кра-са-ві-чы!
Хто назваў цябе так прыгожа ?
Жылі тут Кузьмічы, Фёдаравічы, Іванавічы...
Шкада, што няма ўжо ў жывых нікога...

Еврей худой, седая борода

Играла тихо музыка, и танцевала пара.
Я удивился: вальсируют такие старые?
Но в глазах жены светилась преданность такая,
Что годы ушедшие куда-то улетали...

А он – еврей худой, седая борода.
Прошедший в той и в этой жизни огни и воды.
Со своей любимой танцует иногда,
Чтобы молодость свою вспомнить.
Да вот беда: ушли друзья навсегда.
И на круг с ними никто уже не выходит...

Дочь двух народов

Среди евреев я – гойка,
Среди русских – жидовка.
Я – частичка народа, Богом избранного.
Я – крещёная, православная.

Возле Стены Плача скорблю.
В храме Господа Бога молю.
Бурлит во мне кровь русской бабушки-сибирячки
И киевлянки-еврейки – виртуозной скрипачки.

Мои корни – в глубокой российской дали
И в еврейском местечке на самой границе.
Историю семьи по крохам собираю.
Я обязательно должна была родиться!..

Да, я – полукровка. Гойка. Жидовка.
Этих слов вам сказать не боюсь.
Я – дочь двух народов! Я – дочь двух народов!
И этим несказанно горжусь!

Мой старый знакомый Гриша Штерн

Мой старый знакомый Гриша Штерн
Постучал ко мне внезапно в дверь.
Его отец говорил только на идише в Варшаве.
Вот почему его русский такой странный.

Но Зяма – человек счастливый –
Сколько раз избегал могилы!
Первый раз в Польше, когда евреев вели к яме,
Во второй раз, когда из Бреста в Варшаву отправляли.

В третий раз, когда в Красной Армии в окопах завалило,
В четвёртый раз, когда после контузии
На русском языке заговорил он...
Все думали, что это лазутчик, шпион немецкий,
А он закричал: «Я еврей польский, солдат советский!»

Повезло, остался живым...
Судьба привела в местечко Михалин.
Жил там с Ханой бедно, но красиво,
Троих детей родили: Лизу, Соню, Гришу,
Я как сейчас их всех вижу.

Хана всему была рада.
Всегда смеялась: «Большого и не надо!»
Зяма сыпал шуточками на идиш.
Где такое ещё увидишь?

А ведь стеснялись своего языка евреи,
Но Зяма говорит на нём с колыбели.
Всегда шутит – по жизни идёт.
Вслед за ним и дети «мамэ лошен» повторяют.

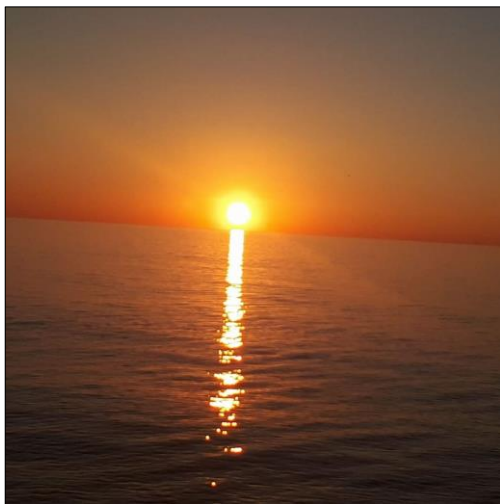
...Почему же Гриша Штерн возле моих дверей ждёт?
Он разве не знает, сколько лет я его ожидаю?

Я так хочу услышать его прежний смех,
Увидеть на лице веснушки!
«Гриша, Гриша! Расскажи мне обо всех,
Но вначале – про своих девять внушек.

Твоя дочь, как её прабабушка из Варшавы,
В Израиле тоже религиозной стала.
Расскажи, расскажи, – прошу я Гришу, –
А я твоего отца перед собой вижу.

Он ведь – Герой! Хотя таким себя не считал,
Ходил по городу, тротуары убирал.
Дразнили дети: "Зяма, Зяма!"
Совсем ничего о нём не зная...»

У меня в Израиле выросли крылья

У меня в Израиле выросли крылья.
Их не было раньше – не летал.
Мне вдруг вспомнилось, что забыл я.
Взял – и эту книгу для потомков написал!

В ней – от сердца строки.
Они рождались не сами по себе.
Каждому Бог отводит сроки.
Пока пишу – я живу на земле!

Утром рассветы встречаю над морем,
Вечером над ним провожаю закаты.
Не стремлюсь быть богатым, известным.
Тем более, модным и шикарно одетым.

Я ведь и так человек счастливый!
Мои внуки родились в Иерусалиме!
На прежней Родине – мои корни.
Там лепили меня быть властям покорным.

По примеру отца – имя и отчество не менял.
В отместку передо мной закрывали двери.
В жизни не лебезил и не дрожал.
Не ходил на цыпочках в лакейской ливрее.

Цепочка галутного еврея заканчивается на мне.
Сколько поколений мечтали об этом в моём роду?
Я три десятилетия живу в своей стране!
Всё, что было, может быть, ещё правнукам
своим расскажу!

*Когда книга уже была готова к печати,
в нашей стране и во всём мире началась
пандемия коронавируса...*

* * *

Мир на новой грани.
И всех сплотила общая беда.
Всевышний! Сохрани наш Израиль!
Сбереги все страны и города!

Нет ни эллина, ни иудея.
На земле все люди равны.
Я самодельную маску клею.
И весь мир, как в состоянии войны.

Расцвели весной цветы,
Так рано созрели апельсины.
До Победы над короной мы должны дойти,
Как в сорок пятом году – до Берлина!

* * *

Наступили тяжёлые времена.
И великие испытания.
Но как разобщена страна!
Для народа ненужное страдание.

Достаточно! Сколько можно!
Коней не меняют на переправе.
К чему политическая осторожность?!
Сегодня нет ни левых, ни правых!

Позади – разрушенных два храма.
Сегодня – в карантине страна.
Что впереди? Проклятие или досада!
Что нам скажешь, рош мемшала*?

Времена не выбирают –
Они приходят сами.
Ты справишься с «короной», моя страна!
Политики, встаньте под общее знамя!

---

* Глава правительства (*иврит*).

СОДЕРЖАНИЕ

Мой поэтический первенец	4
--------------------------------	---

Часть первая

В Тель-Авив я улетаю не на разведку

Разговор с отцом	8
Самолёты в Тель-Авив не летели... (<i>Поэма</i>)	10
Вавилон 21-го века!	22
На другие столицы непохожий!	23
Амазонки Иерусалима	24
В Иерусалиме расцвела... сирень	25
Встретил я Ленина в Иерусалиме?	26
Кто такие евреи?	26
«Египетские» пирамиды в Тель-Авиве	27
Нам трудно, но мы дома	28
Позвонили мне из России	29
Письмо русским поэтам	30
Раз, два, три, четыре, пять... ..	30
Мой дом теперь на этом берегу	32
Ты меня позови! Позови	33
Море! Ты, как женщина, – загадка!	34
Одноглазое солнце	35
Я пою тебе гимн, Масада!	36
Я возьму с собой немного твоей соли	37
Море, ты – как невеста!	37
А на том берегу – Иордания	38

Не могу надышаться тобой, море!	39
Мёртвое море – живое!	40
Ждите нас в Иерусалиме!	41
Утренняя молитва	41
Моисея я мысленно увидал...	42
Я – твоя частичка, моя страна!	44
Мы на Луне?	45
В Красном море такая синяя вода!	46
Аэропорт имени космонавта Рамона	47
Сабра цветёт	48
Лимоны в снегу	48
Поле, библейское поле!	49
«В Израиле январь! А я ношу в себе весну!..»	49
Райские плоды	50
Не надо нам другого рая!	50
Библейская прекрасная Галилея!	51
Народ древний и непокорный!	51
«Славянка» на родине Бога	52
Молодая христианка	53
Ашдод птицей взлетел над морем!	54
Русское эхо	55
Богиня из Тель-Авива!	56

Часть вторая

В Беларуси я оставил годы своей жизни

Наши предки	58
На исходе лета	58
Берёзовый край	59
Минск напоминает улицы Тель-Авива	59
Мама! Мама! Выйди на крылечко!	60
Бежит за плугом борозда	61
В голодном сорок седьмом году	61
Мельница Давида	62
Мама, я всматриваюсь в твои глаза	63

Ты не ушла...	64
Не имела дорогих нарядов	65
Увидел маму я во сне	67
Весна робко входила в дверь	68
Мои зимы и вёсны	69
Полотна Левитана на воде	69
Беларусь – страна белая	70
Синий закат, синий закат	70
Чтобы внуки рождались в Иерусалиме...	71
Постойте с нами у пруда	72
Берёзовое царство!	73
Разукрасила улицу радуга	74
Мне повезло: чудо встретил!	75
Чайка над волною летит	75
Там малина наша живёт	76
В белорусской дымке	77
Из этих мест мои деды	78
Какие чувства овладели здесь тобой?	79
В Израиле не пишут некрологи	81
Слышу прежние песни	82
Синенький домик, белые рамы	83
В отцовском саду	85
Здравствуй, королевская птица!	86
Беларусь ты моя синяя!	87
Пела песни аидише маме...	88
Мы с тобой похожи, как братья	88
Абрам и Давид – отцы наши	89
Жизнь прожить – не поле перейти	90
Будь со мной всегда!	
1. «Купалось солнце, небо розовело...»	92
2. «Бывают в жизни чудеса...»	93
В своей дочери вижу маму	93
Мои московские сестры	
1. «Мы не родились с тобой в селе Прянички...»	94
2. «Моя столичная сестра...»	95

Замёрзшие слезинки	96
Смеются облака	97
Могилёвским журналистам	98
Билет в кармане	99
Я на перепутье времён и стран	99
Белорусская осень	100
Осень! Я письмо тебе напишу	100
Лирические мотивы	
1. Скамейка для сердца	101
2. Мы на лодочке катались	102

Часть третья

Я один из тех, кто чудом родился после войны

Минское гетто!	104
Красные маки	105
Двадцать третьего октября 1943 года	106
Из гетто бежали два друга	106
Беги, девочка! Беги!	109
Мирское гетто!	111
Я приехал в бывшее гетто	113
Под белым саваном	114
На рассвете	115
Язычки пламени поднимаются, как души... ..	116
Свечи поминальные	119
Еврейское кладбище	120
В мире не любят евреев?.. ..	120
Письмо Евгению Евтушенко	121
Последний из могилок	122
У тебя такой пронизывающий взгляд	123
Была синагога бранным словом	124
Мой отец, весь в бинтах... ..	124
Встречает Европа зелёное лето	125
Варшава, вымощенные улочки	125
Пройдёт ещё немного времени	126
Разъехались евреи кто куда?	127

Осталась только речка	128
Я свячу прывязу з Іерусаліма	129
Мне сёння прыснілася вёска Красавічы	130
Я – один из тех, кто чудом родился после войны	131
Еврей худой, седая борода	132
Дочь двух народов	133
Мой старый знакомый Гриша Штерн	134
У меня в Израиле выросли крылья	136
«Мир на новой грани...»	137
«Наступили тяжёлые времена...»	138

Для контактов:
yafim31@zlatkin.biz